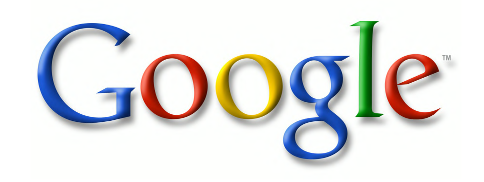
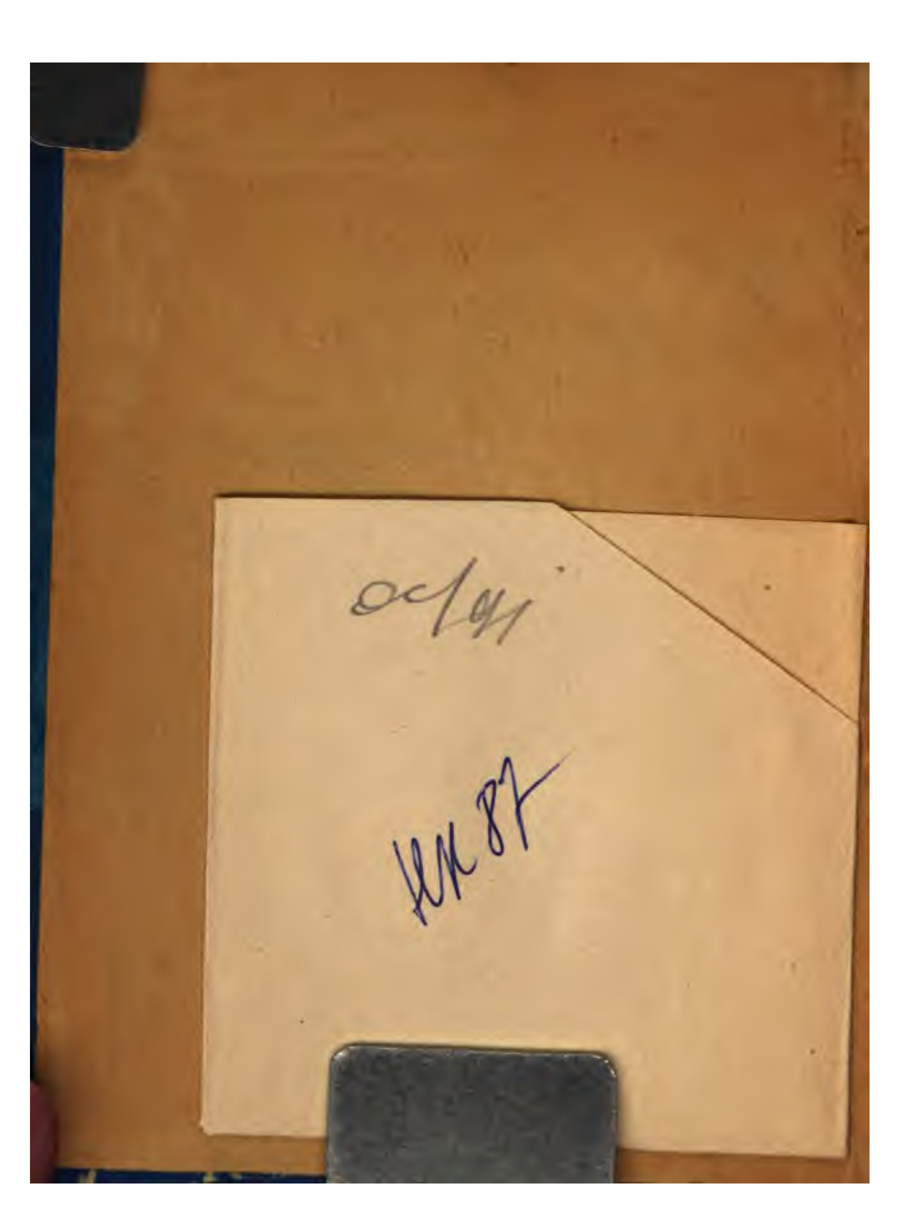
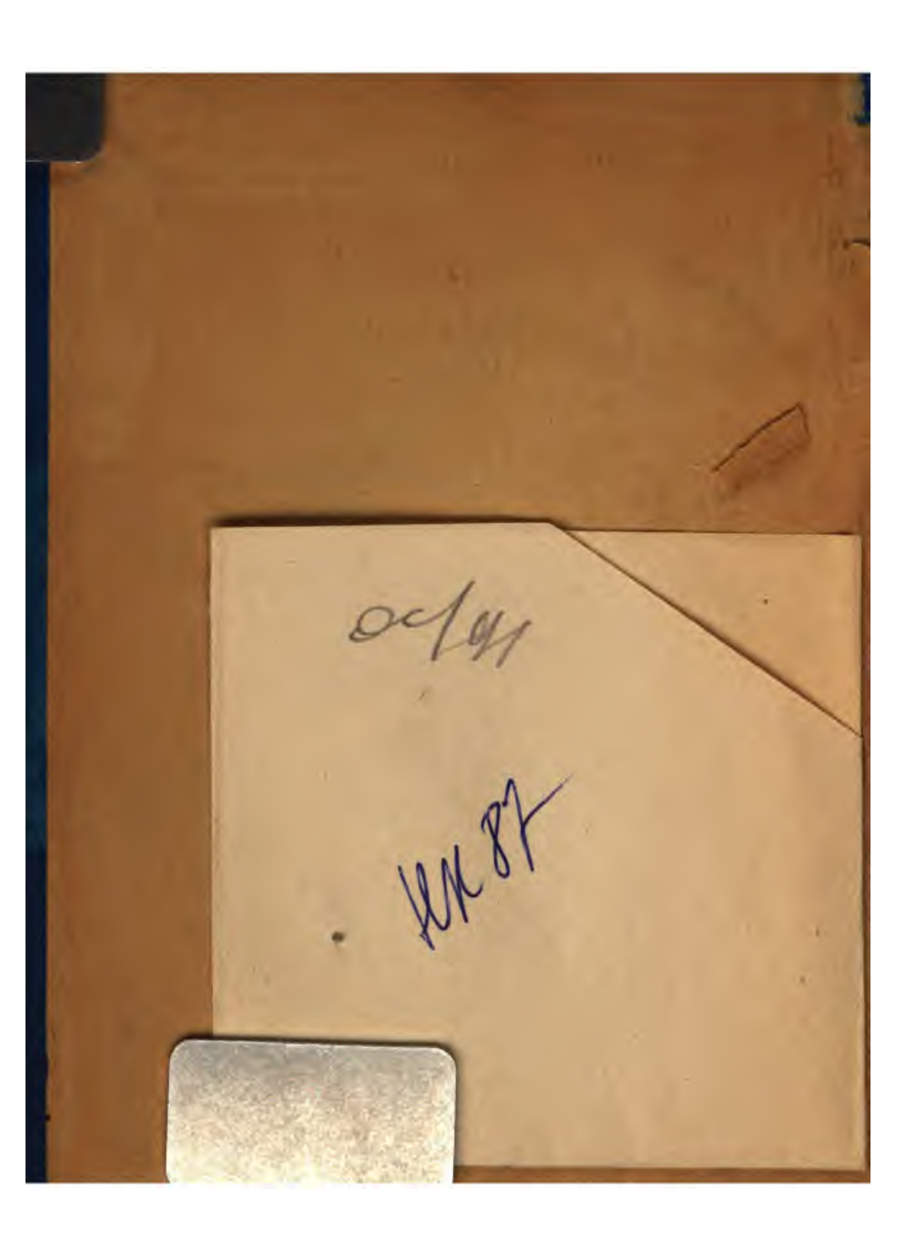

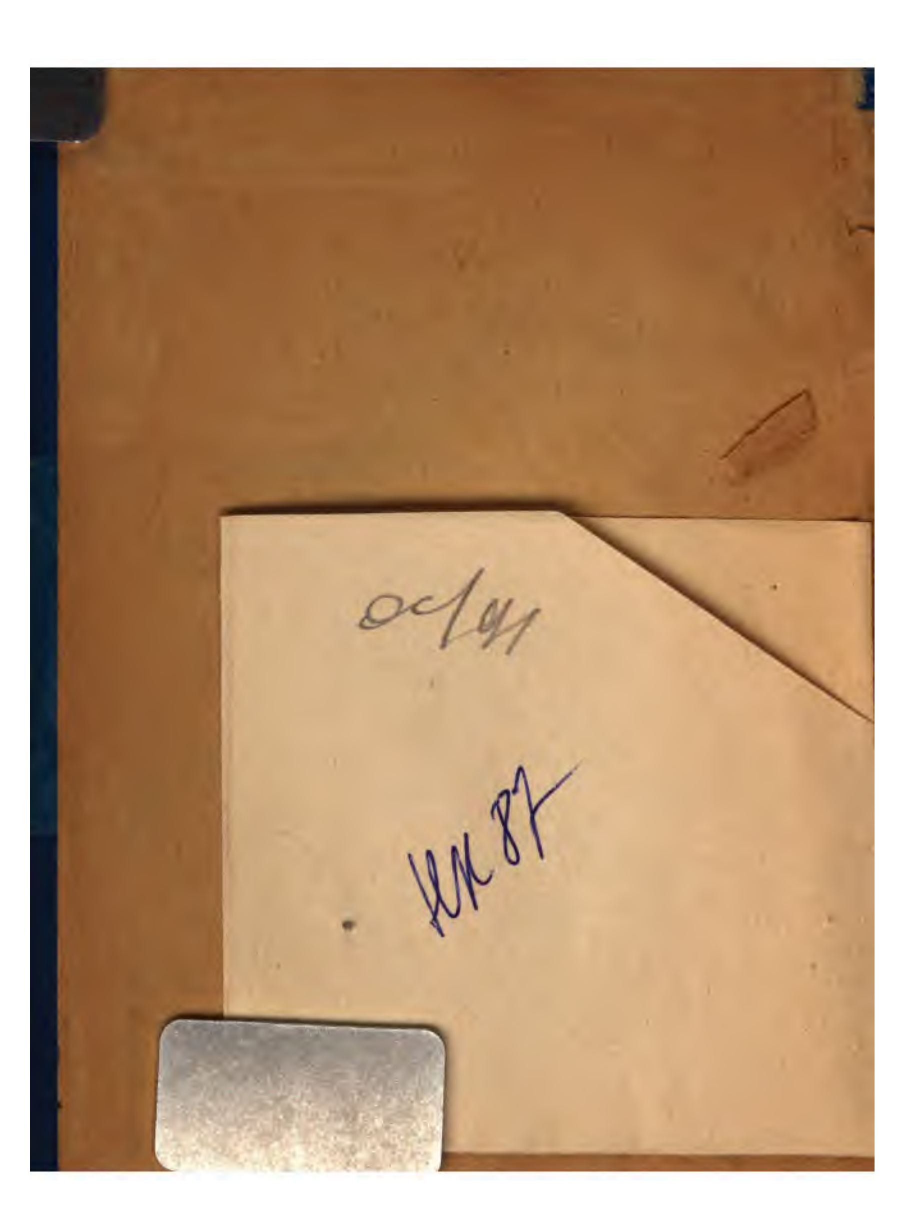

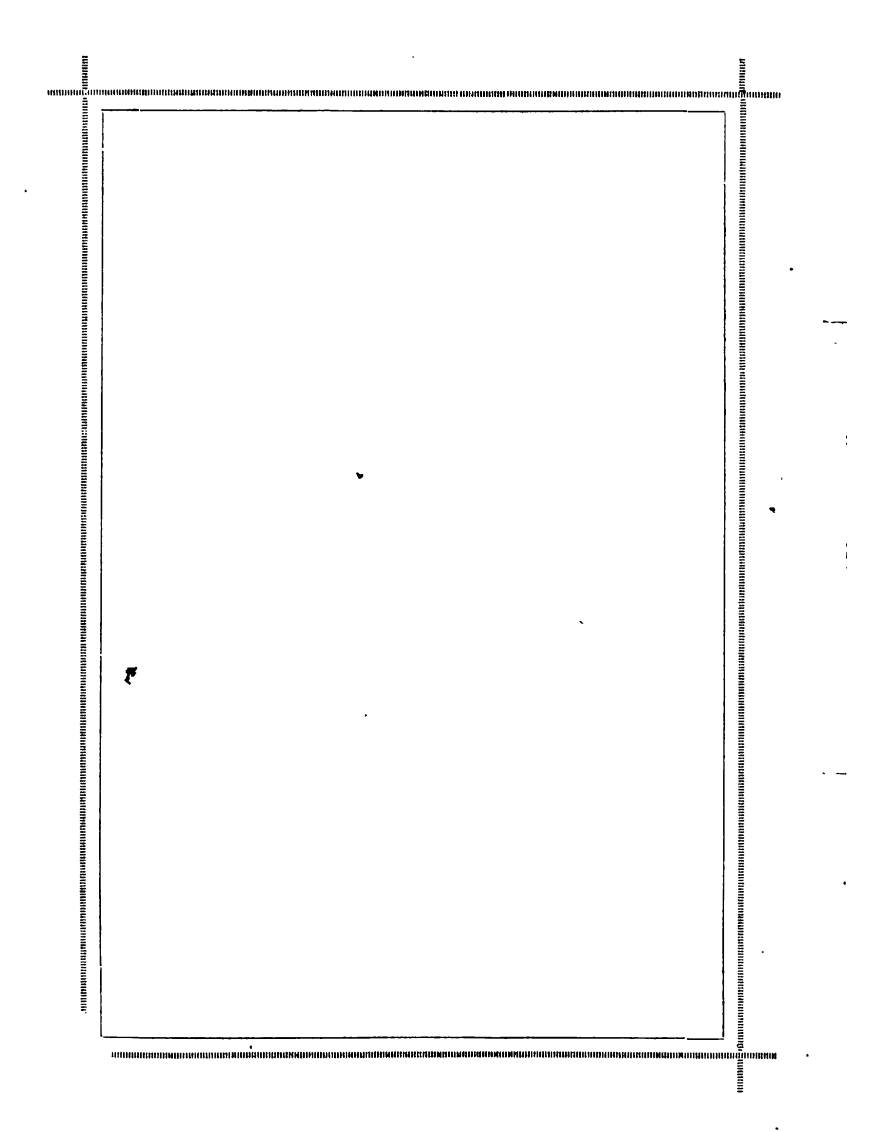
ОТГОЛОСКИ СИБИРИ.

ОТГОЛОСКИ СИБИРИ.

ОТГОЛОСКИ СИБИРИ.

Otgoloski Sibiri

Отголоски Сибири.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

Изданіе Ю. П. Матвѣевой

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИВАНА БРУТА.

ТОМСКЪ.

Типографія Михайлова и Макушина

1889.

Дозволено цензурою. Москва, 18 Ноября 1888 года.

Видѣли вы когда нибудь такъ называемый топчакъ на конной мукомольнѣ? — Огромная, круглая, деревянная платформа утверждена на косо поставленной оси, перпендикулярно проходящей черезъ центръ, такъ что самый кругъ стоитъ наклонно. На наклонѣ ставится нѣсколько лошадей, привязанныхъ къ неподвижной коновязи. Силою ихъ тяжести платформа поворачивается на своей оси, а кони, чувствуя, что почва уходитъ изъ подъ нихъ, перебираютъ ногами, стараясь подвинуться впередъ...

Наша обыденная жизнь — тотъ-же „топчакъ“. Стоитъ разъ попасть на неустойчивую

наклонную плоскость, называемую „заведеннымъ порядкомъ“, а тамъ ужь одна сила инерціи заставитъ перебирать ногами, не смотря ни на что: человѣкъ усталъ, человѣкъ изнуренъ пошлостію личнаго соперничества, человѣкъ тяготится однообразіемъ затрапезнаго существованія (вѣдь, нерѣдко оно не стоитъ потраченныхъ на него силъ и выигрывается этой тратой лишь возможность тратить ихъ и впредь!) — и все-таки онъ не бросаетъ разъ заведенной канители, потому что, собственно, не онъ ее, а она его тянетъ дальше...

Въ минуты усталости и тягости пріятно имѣть подъ рукой нѣсколько вполнѣ понятныхъ, родныхъ поэтическихъ строфъ, которыя, лаская ухо созвучіями, вызываютъ въ душѣ картины, мысли, или чувства, отрывающія насъ отъ атмосферы обыденнаго существованія. Смѣемъ думать, что въ этомъ смыслѣ предлагаемая нами книжечка не будетъ излишнею.

Въ составъ ея вошли пьесы трехъ родовъ: 1) стихотворенія и стихотворные отрывки сибиряковъ, не только воспѣвающія родину,

но и на общія темы*), 2) пьесы, написанныя въ Сибири и появившіяся въ сибирскихъ изданіяхъ, чьему бы перу онѣ не принадлежали и хотя бы не имѣли своимъ предметомъ спеціально Сибирь, и 3) произведенія общерусскихъ поэтовъ, появившіяся внѣ предѣловъ Сибири, но имѣющія темою Сибирь, или такія общественныя явленія, которыя, волею историческихъ судебъ, стали особенно характерными чертами ея жизни, какъ, напримѣръ, тюрьма и ссылка**).

*) Сюда относятся слѣдующіе №№: 4—8, 10—16, 19, 21—23, 30—33, 41—44, 48, 49, 55, 57, 62, 63, 74, 77, 81, 82, 84—94; всего 45 №№. Весьма вѣроятно, что и нѣкоторые другіе №№ (22, 26, 27, 29) принадлежатъ перу сибиряковъ; но точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ.

**) Въ сборникъ вошло также нѣсколько пѣсень чисто народнаго происхожденія (2 пріисковыхъ, обозная, «Тюрьма» и записанныя въ Балкашахъ). Едвали нужно доказывать ихъ право на помѣщеніе въ «Отголоскахъ Сибири», а также объяснять, что, преслѣдуя не этнографическія, а эстетическія цѣли, мы въ правѣ были помѣщать ихъ въ отрывкахъ. Но не лишнимъ будетъ пояснить, почему попала въ нашъ сборникъ пьеса Сурикова «День я хлѣба не пекла» и слабая въ поэтическомъ отношеніи дума Рылѣева «Ермакъ»: обѣ очень популярны въ Сибири и распѣваются, какъ народныя пѣсни, часто въ исковерканныхъ редакціяхъ.

До сихъ поръ Сибирь не дала еще ни одного цѣльнаго поэта. Старые сибирскіе авторы въ родѣ Бальдауфа, Таскина, Александрова (послѣдній — главнымъ образомъ въ его патетическихъ, а не юмористическихъ произведеніяхъ *) были, въ общемъ, скорѣе стихотворцами, чѣмъ поэтами: кругъ ихъ идей бѣденъ, а та доля поэтическаго одушевленія, на которую они были способны, нерѣдко парализовалась своего рода псевдоклассическою подражательностію, — они стремились тунгузскіе, или бурятскіе нравы „воспѣть“ на манеръ Марлинскаго и ощущенія инородческихъ красавицъ перевести на языкъ героинь русскихъ поэмъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Изъ позднѣй-

Почти весь сборникъ составленъ изъ перепечатокъ: въ немъ въ первый разъ являются въ свѣтъ всего 8 пьесъ. Само собою разумѣется, что читатель не найдетъ въ нашей книжкѣ ни одной строки, уже помѣщенной въ аналогичномъ нашему изданіи И. М. Сибирякова — «Сибирскихъ мотивахъ».

*) Александровъ былъ не сибирякъ; но вся его непризнанная литературная дѣятельность (Александровъ при жизни не печатался нигдѣ), насколько намъ извѣстно, вызвана исключительно Сибирью, въ ней прошла и только ея касалась.

шихъ ни одинъ (даже и Омулевскій, не говоря уже о Михѣевѣ) также не можетъ быть названъ настоящимъ, цѣльнымъ поэтомъ: небольшой размѣръ ихъ дарованій, а главное — недостатокъ вкуса дѣлаютъ то, что у нихъ, рядомъ съ прекрасными пьесами, или отдѣльными мѣстами, есть совершенно невозможныя.

Но если у Сибири нѣтъ своего цѣльнаго поэта, то есть, несомнѣнно, свои поэтическіе проблески, свои свѣтлыя брызги той поэтической волны въ жизненномъ теченіи, безъ которой не обходится ни одинъ народъ, ни одинъ уголокъ земли. Сибирь вдохновляла и своихъ родныхъ дѣтей, и своихъ пасынковъ, и совершенно чуждыхъ ей лицъ. Поэтическіе проблески ея жизненныхъ силъ разсѣяны и въ сборникахъ стихотвореній отдѣльныхъ авторовъ, и въ мало распространенныхъ книгахъ совсѣмъ не поэтическаго содержанія, и въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ у поэтовъ случайныхъ (можетъ быть всего разъ въ жизни) вылилось нѣсколько истинно-одушевленныхъ строфъ. Безъ сомнѣнія, разбросанныя такимъ образомъ и часто

похороненныя въ своего рода бумажныхъ могилахъ, эти пьесы и отрывки обречены на забвеніе: много-ли найдется людей, готовыхъ прочесть цѣлую книжку ужасныхъ виршей, въ родѣ „стихотвореній“ г. Ю. Свидерскаго, чтобы найти тамъ одну хорошенькую пьеску? Кому теперь удается видѣть ставшія библіографической рѣдкостью „Записки о Енисейской губерніи“ Пестова, въ концѣ которыхъ приложено нѣсколько стихотвореній неизвѣстнаго автора? Кто, кромѣ стараго „бергала“, или „горняка“ возьметъ въ руки „Воспоминанія бывшихъ питомцевъ горнаго института“, гдѣ съ такой любовью собрано все — и удачное, и неудачное — написанное Таскинымъ и Бальдауфомъ? Не мало есть людей, сохраняющихъ „Сибирь“, „Сибирскую Газету“ и „Восточное Обозрѣніе“; но заглядываютъ-ли ихъ собственники въ образовавшіеся такимъ образомъ фоліанты, какъ заглядываютъ въ сборникъ стихотвореній?

А между тѣмъ кое-что изъ разбросаннаго такимъ образомъ положительно жаль обречь на забвеніе; жаль ради его поэтической цѣнности, такъ и ради того, что все это —

отголоски Сибири, интересные и даже дорогіе для многихъ. Такимъ отголоскомъ будетъ и стихотвореніе, появившееся въ сибирской печати, ибо, въ силу этого самаго, оно уже будетъ сибирскимъ литературнымъ явленіемъ, какой бы темы ни касалось и хотя бы было написано пасынкомъ Сибири; этого мало: самый фактъ пребыванія въ Сибири его автора, не сибиряка, дѣлаетъ пьесу, для зауральскаго читателя, сибирскимъ отголоскомъ. Такимъ отголоскомъ (особенно для сибирскаго читателя) будетъ и любая пьеса сибиряка, даже живущаго внѣ Сибири, ибо его пьеса, хотя бы на общую тему, есть, все-таки, проблескъ сибирскаго творческаго духа (если позволено будетъ такъ выразиться въ виду скромности предмета). Ради полноты объективной картины мы не могли не ввести въ нашъ сборникъ и тѣхъ отголосковъ Сибири, какіе находимъ у Рылѣева, Некрасова и другихъ общерусскихъ поэтовъ.

Выбирая, въ этихъ предѣлахъ, то или иное стихотвореніе, тотъ или другой отрывокъ, мы заботились прежде всего о наличности истиннаго чувства, одушевленія, о

поэтическомъ міросозерцаніи, о возможномъ изяществѣ формы и объ отсутствіи квасной, или барабанной подкладки въ патріотизмѣ. Если это удалось намъ выполнить, то книжечка наша должна найти себѣ отголосокъ въ душѣ каждаго, искренно полюбившаго свѣтлыя стороны Сибири и болящаго о ея темныхъ сторонахъ.

Иванъ Брутъ.

Томскъ.

25 сентября 1888 года.

* * *

. . . . . . Я не забылъ мечты,
Которыя душа моя питала
Средь грозныхъ ужасовъ и дикой красоты,
На берегу угрюмаго Байкала;
Я живо помню ихъ: онѣ
Унылаго пѣвца вездѣ сопровождаютъ —
И въ отдаленной сторонѣ
Минуты скорби окрыляютъ.

Ѳ. Бальдауфъ.

(„Воспом. бывшихъ питомцевъ горнаго института". Спб. 1873 г.)

Не на землѣ ищи ты вдохновенья,
Не въ этой жизни бѣдной, мелочной,
Но болѣе въ часы уединенья
Гляди на небо съ мыслію святой.
Ю. Жадовская.

Нѣтъ, на землѣ ищите вдохновенья:
Что небо намъ? что міръ холодныхъ звѣздъ?
Имъ чужды наши страстныя стремленья,
Имъ непонятенъ нашей жизни крестъ.
Въ своемъ холодномъ, чуждомъ намъ величьи
Онѣ текутъ размѣренной тропой, —
Закованныхъ въ божественномъ приличьи,
Ихъ не сведетъ съ нея порывъ живой.
А мы здѣсь нашей крестною стезею —
Бредя въ потьмахъ — мы падаемъ, встаемъ
И вновь идемъ израненной стопою,
И каждый шагъ дается намъ трудомъ.
И хоть надъ нами вѣчно тяготѣетъ
Проклятіе грѣха, ошибокъ, бѣдъ,
Но вѣдь средь нихъ любовь и братство зрѣетъ
И истина свершаетъ рядъ побѣдъ!
Нѣтъ, на землѣ ищите вдохновенья:
Пусть слабы мы, но мы за то живемъ
И жизни грѣшной къ лучшему стремленья
Не замѣнить безгрѣшнымъ неба сномъ!

Ф. В—ій.

(„Спб. Газ.“ 1888 г. № 35).

ПѢСНИ СИБИРСКАГО ПОЭТА.

(Л. П. Ѳ—ой).

Не веселы сибирскіе напѣвы
Въ нихъ нѣтъ и нѣжныхъ, граціозныхъ нотъ:
Подъ звукъ цѣпей свершенные посѣвы
Способны-ль дать роскошный, нѣжный плодъ?...
Рожденные угрюмою природой,
Взлелѣянные мрачною тайгой,
Они звучатъ холодной непогодой
И жосткостью страны своей родной.
Но въ самой ихъ суровости угрюмой,
Сквозь жосткость ихъ стиха замѣтишь ты
Проникнутыя мужественной думой —
И мощь, и благородныя мечты.
Ни страха въ нихъ, ни лжи нѣтъ, ни сомнѣнья,
Одна лишь честность диктовала ихъ
И молотомъ святаго убѣжденья
Настойчивость ковала жосткій стихъ.

И этотъ стихъ помимо звуковъ нѣжныхъ
Къ сердцамъ роднымъ надежный путь найдетъ
И въ нихъ — лѣнивыхъ, черствыхъ, иль
небрежныхъ —
Оковы безразличья разобьетъ.

Ф. В—iй.

16 сентября 1887 г.
Томскъ.

(„Сиб. Газ.“ 1888 г. № 4)

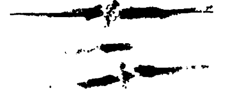
ДРУГУ.

На судъ общественнаго мнѣнья
Отдать, что далъ мнѣ мой досугъ, —
Чтобъ тѣшить сытыхъ вожделенья,
Я не хочу, любезный другъ.
Не лестенъ мнѣ вѣнокъ поэта,
Ничьихъ похвалъ я не прошу:
Въ глуши Сибири не для свѣта,
Я для друзей порой пишу.
Скажи, что съ лирою своею
Я свѣту новаго скажу?
Какую свѣтлую идею
Въ свой крикъ сердечный я вложу?
Чтобъ я желалъ сказать, — не смѣю,
Что смѣю — сказано давно.
Пѣть о звѣздахъ я не умѣю,
Хоть это врядъ-ли мудрено.

Я не желаю безполезнымъ,
Трескучимъ вздоромъ тѣшить свѣтъ:
Я не шарманщикъ, другъ любезный,
Не пошлый сказочникъ-поэтъ.

П. Масюковъ.

Зав. Кутомарскій,
Нерч. окр.

(„Сиб Газ.“ № 30, 1883 г.).

26 ОКТЯБРЯ.

Ни образовъ яркихъ, ни страстности жгучей,
Ни музыки строфъ и крылатыхъ созвучій,
Не жди отъ меня и не требуй — ихъ нѣтъ:
Въ лѣсахъ и равнинахъ отчизны безлюдной
Не слышалъ я звуковъ мелодіи чудной
И солнцемъ поэзіи скупо согрѣтъ.
Сынъ хмурой природы, суровый, угрюмый,
Завѣтныя чувства, завѣтныя думы
Привыкъ я въ душѣ глубоко хоронить.
И мнѣ-ли въ строфахъ и созвучіяхъ стройныхъ,
То пламенно-бурныхъ, то нѣжно-спокойныхъ,
Все то, что схоронено, вдругъ воплотить?!...
Отчизнѣ суровой, холодной, но милой
Пусть выразитъ кто-нибудь съ большею силой
Привѣтъ отъ ея благодарныхъ дѣтей;
Избранникъ тотъ выразитъ всѣ, всѣ желанья
И гордую радость, и всѣ ожиданья
Что связаны съ мыслью сыновней о ней, —

А мой стихъ — тяжелый, негладкій, незвучный —
Пусть выскажетъ только одинъ, неразлучный
Со мной, землякамъ драгоцѣнный завѣтъ:
Та Божія искра, что насъ освѣтила,
Да будетъ намъ вѣчно душою и силой,
И вѣрнымъ оплотомъ средь жизненныхъ бѣдъ:
Ту искру святую нетронутой, чистой
Для родины нашей холодной и мглистой
Должны мы взлелѣять, должны сохранить;
И сможетъ она, надъ отчизной холодной,
Сіяя желанной звѣздой путеводной,
Разсѣять весь мракъ и всѣ льды растопить...

П. Кефалевіусъ.

Москва.
26 октября 1885 г.

(„Спб. Газ." № 43, 1886 г).

ПОЭТУ.

(И. Д. К—ву).

(отрывки).

. . . .

Онъ не падетъ въ несчастьи духомъ,
Насмѣшкамъ — смѣхъ его отвѣтъ.....
Чужое горе, чуткимъ ухомъ,
Услышитъ безъ труда поэтъ.

. . . .

Блаженъ и счастливъ тотъ, кто долю
На благо страждущихъ принесъ
И въ этой плачущей юдоли,
Утеръ одну изъ многихъ слезъ!...

Ю. Свидерскій.

(Стихотворенія Ю. Свидерскаго. Хабаровка. 1885 г).

* * *

. . . . . . Я не забылъ мечты,
Которыя душа моя питала
Средь грозныхъ ужасовъ и дикой красоты,
На берегу угрюмаго Байкала;
Я живо помню ихъ: онѣ
Унылаго пѣвца вездѣ сопровождаютъ —
И въ отдаленной сторонѣ
Минуты скорби окрыляютъ.

Ѳ. Бальдауфъ.

(„Воспом. бывшихъ питомцевъ горнаго института". Спб. 1873 г.)

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(1-го января 1888 года).

Пусть на грани двухъ лѣтъ
Дружный слышенъ привѣтъ —
Такъ полнѣй-же, друзья, наливайте:
Выпьемъ вмѣстѣ за тѣхъ,
Чей намъ дорогъ успѣхъ:
Кубки выше, дружнѣй поднимайте!
Пусть родная Сибирь,
Словно встарь богатырь,
Не по днямъ, но часамъ выростаетъ;
Пусть въ ней знанья найдутъ
Свой желанный пріютъ,
Пусть она и цвѣтетъ, и мужаетъ!
Кто ей честно служилъ
И другихъ научилъ
Знамя чести держать до могилы, —
За того нынѣ пьемъ:
Пусть удвоятся въ немъ, —
Пусть съ годами утроятся силы!

Пусть мужаетъ-растетъ,
Полной жизнью живетъ
Молодежь, цвѣтъ родныхъ поколѣній, —
Пусть—надѣясь, любя,
Вѣря въ правду, въ себя —
Въ жизнь вступаетъ она безъ сомнѣній!
Инородецъ-дикарь
И теперь, какъ и встарь,
Только пасынокъ почвы родимой; —
Пусть же станетъ онъ ей
Ближе, краше, милѣй —
Сынъ по праву, родной и любимый.
Братья! Стыдно и грѣхъ
Намъ не выпить за тѣхъ,
Чьи въ мозоляхъ рабочія руки,
Безъ чьего-бы труда
Не горѣлъ никогда
Чудный свѣточъ искуствъ и науки!
Наливайте-жь полнѣй!
Кубки выше, дружнѣй!
Звонъ ихъ громче пускай раздается
И на грани двухъ лѣтъ,
Какъ бодрящій привѣтъ,
Дальше, дальше и шире несется!

А. Г.

(„Сиб. Газ.“ № 1, 1888 г.).

22 ІЮЛЯ 1888 ГОДА.

(День открытія перваго университета въ Сибири).

Братья, солнце свѣтитъ съ новой силой
И полнѣе льется свѣтъ дневной:
Въ нихъ судьба особый лучъ вложила —
Мысли лучъ, безсмертный и живой!
Есть-ли что прекраснѣй мысли въ мірѣ?
Что могучѣй, чѣмъ ея волна?
Разростаясь глубже, выше, шире,
Насъ ведетъ къ безсмертію она.
Нѣтъ преградъ ея прекраснымъ крыльямъ,
Для нея нѣтъ смерти, ни цѣпей:
На скалѣ прикованный насильемъ,
Мыслью былъ свободенъ Прометей!
Такъ пожмемъ скорѣй другъ другу руки,
Крѣпче ихъ и радостнѣй пожмемъ:
Передъ нами колыбель науки —
Мысли лучъ горитъ живымъ огнемъ!

Ф. В.

(„Сиб. Газ." 1888 г., № 55).

НА ОТКРЫТІЕ СИБИРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Восторженный привѣтъ прими, мой край
родной!
Минуетъ ночь..... Близка заря разсвѣта
И въ вѣковой борьбѣ со зломъ, съ гнетущей тьмой
Ждетъ торжество, готовится побѣда.
Надежды лучшія въ душѣ своей храня,
Оставивъ ихъ наслѣдствомъ въ поколѣнья,
Ты ждалъ такъ горячо, такъ страстно день со дня
Мечты завѣщанной осуществленья...
Настала наконецъ желанная пора:
Открытъ тотъ храмъ, та скинія святая,
Гдѣ знанья вѣчнаго, гдѣ правды и добра
Должна затеплиться зарница золотая:
Для счастья родины пусть свѣтится она,
Открывъ пути для генія народа:
Въ задачахъ міровыхъ, забытая страна,
И на тебя пусть выпадетъ работа!

И выйдешь ты тогда на праздникъ міровой
Въ нарядѣ дорогомъ, увѣнчанномъ цвѣтами,
Съ сознаньемъ правъ своихъ,—не жалкою рабой,
А какъ собратъ, ты встрѣтишься съ друзьями.
Готовься же въ тотъ путь, полна надеждъ и силъ,
Могучихъ думъ, святаго вдохновенья...
Внеси и ты въ нашъ полный скорби міръ
Тепло души и жизни обновленье...

С. Москвинъ.

22 іюля 1888 г.
Иркутскъ.

(„Восточ. Обозр." 1888 г. № 29).

* * *

Въ полуночный часъ, въ вожделѣнной тиши,
Когда нѣту со мной ни единой души,
Я молюсь съ неизмѣнной любовью
За тебя, молодежь! — Чтобъ въ неравной борьбѣ
Не испортила въ жизни побѣду себѣ
Ты своею горячею кровью;
Чтобъ и тѣни сомнѣнья не вѣдала грудь,
Что въ ближайшемъ грядущемъ не будетъ твой путь
Благодарно усыпанъ цвѣтами;
Чтобъ на небѣ твоемъ не носилося тучъ,
Чтобъ твой голосъ всегда, силой правды могучъ,
Вдохновенно звучалъ между нами;
Чтобъ ты грудью свой край, какъ дитя свою мать,
Защищала, несмѣтная юная рать,
На родимыхъ поляхъ умирая, —
И чтобъ мы, старики, утѣшались тобой,
За тебя, какъ за вѣру, стояли горой,
На печальные дни не взирая.

И. Омулевскій.

(„Восточ. Обозр.“ 1885 г. № 2).

* * *

При словѣ «родина» учили насъ вставать,
Какъ учитъ мать предъ старшими стоять
Дѣтей послушныхъ.
О дай Богъ вамъ познать, хоть въ грезѣ вашихъ сновъ,
Такихъ-же юношей и стариковъ
Великодушныхъ.

И. Омулевскій.

(„Вост. Обозр." 1885 г., № 39).

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА.

(Посвящается М. Н. Харузину).

„Европа — Азія“, пограничный столбъ.

Европа, Азія! Знакомыя два слова,
На этомъ рубежѣ звучите вы мнѣ ново:
Какъ будто-бы впервые кинутая мать
Сошлась съ наставницей — ребенка приласкать,
И, грубая въ своей одеждѣ немудреной,
Стоитъ она предъ ловкой, выхоленной бонной,
Не видитъ ничего въ забвеньи впереди, —
Спѣшитъ прижать ребенка лишь къ груди.
А вышколенный сынъ — смущенъ ея костюмомъ,
Ея лицомъ пугливо грустнымъ и угрюмымъ —
Упасть въ родимыя объятія и радъ,
Да все коситъ на бонну робкій взглядъ...
Ребенка бонна бы и рада понаставить,
Какъ бѣды матери и горести исправить,
Какъ свѣтлый лучъ извлечь изъ темнаго лица,
Да ждетъ согласія безмолвнаго отца,

Да трусить педагоговъ сумрачныхъ и рьяныхъ,
Его друзей — и званыхъ, и незваныхъ...
Не скоро мать мою съ тобой она сведетъ,
О мой отецъ, о русскій мой народъ!...

В. Михеевъ.

(В. Михеевъ. „Пѣсни о Сибири“. Москва. 1884 г.)

2*

КЪ РОДИНѢ.

Хоть сурова ты въ ночь морозную,
Въ зиму долгую, въ бурю грозную,
Да пригрѣетъ насъ хата теплая,
Изъ твоихъ лѣсовъ что построена,
Прiулажена, прiугоена
И теплымъ тепло принатоплена.
Въ эту зимушку, да въ глубокую,
Ѣдемъ смѣло мы въ даль далекую,
Въ доху пышную позакутавшись.
За то въ лѣтечко въ наше красное
Пригрѣваетъ насъ солнце ясное,
Одѣваетъ лѣсъ, зеленитъ луга.
Какъ коверъ, цвѣты ароматные
Покрываютъ степь благодатную;
Самъ дремучiй лѣсъ улыбается.
. . . .

(„Сибирь" 1884 г., № 47).

ОТРЫВОКЪ.

Въ годину бѣдствій и страданій
Ужели мать покинетъ сынъ?
Ужель въ періодъ испытаній,
Въ періодъ рабскихъ ожиданій
Отчизну броситъ гражданинъ?!
Твоей природы ликъ суровый
Люблю, родимая Сибирь!
Твоихъ полей просторъ и ширь
Красой плѣняютъ вѣчно новой.
Сибирь, Сибирь, страна изгнанья!
Тебя люблю я всей душой!
Тебѣ всѣ лучшія желанья,
Тебѣ всѣ свѣтлыя мечтанія, —
Я сынъ тебѣ, я вѣчно твой!

(„Спб. Газ.“ № 10, 1884 г.)

КЪ РОДИНѢ.

Вѣрь, надѣйся и жди, и гони подлый страхъ,
Моя родина, Богомъ забытая!
Три столѣтія долгихъ на мощныхъ плечахъ,
Ужь снесла ты, снѣгами покрытая!
Триста долгихъ, тяжелыхъ, томительныхъ лѣтъ
Пронеслось, а гдѣ солнце отрадное?
Гдѣ могучій, гдѣ яркій живительный свѣтъ?
Всюду мгла, всюду тьма непроглядная...
Раздаются лишь мрачные крики воронъ,
Да снуютъ по лугамъ волки жадные,
И тяжелый, свинцовый, томительный сонъ
Оковалъ все пространство громадное...
Но надѣйся отчизна: уже занялась
Надъ тобою заря благодатная,
Въ затхлый воздухъ украдкой уже ворвалась
Издалека струя ароматная...

Часъ настанетъ — надъ сонной, но юной страной
Засіяетъ и солнце всесильное;
Призоветъ оно къ жизни — Сибири родной
Всѣ богатства, всѣ силы обильныя.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

П. Кефалевіусъ.

Томскъ.

(„Сиб. Газ.“ № 1, 1883 г.)

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

(Изъ «Русскихъ женщинъ»).

Луна плыла среди небесъ
Безъ блеска, безъ лучей,
Налѣво былъ угрюмый лѣсъ,
Направо — Енисей.
Темно! На встрѣчу ни души,
Ямщикъ на козлахъ спалъ,
Голодный волкъ въ лѣсной глуши
Пронзительно стоналъ,
Да вѣтеръ бился и ревѣлъ,
Играя на рѣкѣ,
Да инородецъ гдѣ-то пѣлъ
На странномъ языкѣ.
Суровымъ пафосомъ звучалъ
Невѣдомый языкъ,
И пуще сердце надрывалъ,
Какъ въ бурю чайки крикъ.....

Н. Некрасовъ.

(„Стихотворенія Н. А. Некрасова". Спб. 1881 г.)

ПО ТРАКТУ.

(Изъ «Русскихъ женщинъ»).

. . . .

Морозъ сильнѣй, пустыннѣй путь,
Чѣмъ далѣ на востокъ;
На триста верстъ какой-нибудь
Убогій городокъ.
За то какъ радостно глядишь
На темный рядъ домовъ.
Но гдѣ-же люди? Всюду тишь
Не слышно даже псовъ.
Подъ кровлю всѣхъ загналъ морозъ,
Чаекъ отъ скуки пьютъ.
Прошелъ солдатъ, проѣхалъ возъ,
Куранты гдѣ-то бьютъ,
Замерзли окна..... Огонекъ
Въ одномъ чуть-чуть мелькнулъ....
Соборъ..... на выѣздѣ острогъ.....
Ямщикъ кнутомъ махнулъ:

«Эй вы!» — и нѣтъ ужъ городка,
Послѣдній домъ исчезъ.....
Направо — горы и рѣка,
Налѣво темный лѣсъ.....

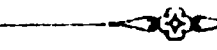
Н. Некрасовъ.

(„Стихотворенія Н. А. Некрасова". Спб. 1881 г.)

* * *

Есть уголъ въ отчизнѣ далекой;
Туда уношусь я душой,
Тамъ гордыя сосенъ вершины
Стоятъ неподвижной стѣной.
Морозомъ одѣты роскошно
Махровыя вѣтви сосны....
Подъ нихъ ты пойди и повѣютъ
Волшебные грезы и сны!
Тамъ горъ неприступныхъ громады,
Могучъ и причудливъ ихъ видъ;
Прорѣзали быстрыя рѣки
Ихъ вѣчно угрюмый гранитъ,
И бьется о скалы тамъ море,
Шумитъ, не смолкая, волной
И носится бѣлая чайка
Надъ темною влагой морской.

Охотинъ.

(„Спб. Газ.“ № 5, 1888 г.)

НА АЛТАѢ.

Какъ хороша весенняя картина,
Что стелется теперь передо мной:
Снѣгъ на горахъ, а влажная долина
Уже покрыта свѣжею травой!...
Могучія скалистыя громады
Гранитныхъ горъ разбросаны кругомъ
И прядаютъ съ уступовъ водопады,
И оглашаетъ шумъ ихъ, словно громъ...
Сосновый лѣсъ наполненъ голосами;
Стройна, какъ пальма, мощная сосна;
Пронизана горячими лучами,
Лазурь небесъ привѣтливо ясна.
Природа мать! Нѣтъ мѣры и предѣла
Твоимъ щедротамъ вѣчнымъ и дарамъ:
Очарованье ты придать умѣла
И сѣвера холоднымъ небесамъ!

Т—й.

1882.
Томскъ.

ПЕРЕДЪ УТРОМЪ.

(отрывокъ).

. . . . Лучемъ луны
Вершины скалъ озарены,
Надъ ними небо голубѣетъ,
Отъ нихъ холодный воздухъ вѣетъ....
Кругомъ покой; природа спитъ;
Лишь изъ кустовъ, кой-гдѣ, порою,
Встревожась, птичка полетитъ.....
Иль, вырвавшись изъ подъ копытъ,
Нагорный камень подъ травою
Покатится и зашумитъ.....
Друзья! видали-ль вы когда,
Какъ тухнетъ первая звѣзда?
И какъ за нею потухаетъ
Другая чередой своей?...
Видали-ль, мѣсяцъ безъ лучей
Какъ въ тихомъ небѣ утопаетъ?....

Ѳ. Бальдауфъ.

(„Воспомин. бывшихъ питомцевъ горнаго института". Спб. 1873 г.)

Изъ поэмы „АВВАНЪ и ГАЙРО“.

(отрывокъ).

Спокойный вечеръ легъ надъ степью,
Холмы окрестные молчатъ,
Борзя *) чуть плещетъ, длинной цѣпью
Надъ нею лебеди летятъ....
Но кто тамъ, берегомъ пологимъ,
На сивопѣгомъ рысакѣ,
Весь отражаяся въ рѣкѣ,
Летитъ стрѣлой? Подъ быстроногимъ
Конемъ крутится черный прахъ.
Вотъ всадникъ свистнулъ.... Конь ретивый
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой
И стиснувъ удила въ зубахъ,
Помчался вихремъ!...

---

*) Рѣчка.

Надъ Бухою *)
Стоятъ наметы тунгусовъ.
Въ далекой цѣпи облаковъ,
Густой надъ ними полосою,
Восходитъ темно-сизый дымъ.....

Ѳ. Бальдауфъ.

1834 г.

(„Воспомин бывшихъ питомцевъ горнаго института". Спб. 1873 г.)

---

*) Небольшая гора на берегу Ононъ-Борзи.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ ОНОНЪ-БОРЗИ.

(отрывокъ).

Я помню ночь: среди шатра,
Одинъ, тревожимый мечтою,
Я не дремалъ; передо мною,
Треща, пылалъ огонь костра,
Ононъ-Борзя *) едва плескала
Волной спокойной близь меня,
И ярко зарево огня
Въ своемъ потокѣ отражала.
Отъ юртъ сосѣдственныхъ порой
Кыцена **) звуки наносились —
И съ ними въ душу мнѣ тѣснились
Воспоминанія толпой....

Ал. Таскинъ.

(„Воспом бывшихъ питомцевъ горнаго института", Спб. 1873 г.).

---

*) Ононъ-Борзя впадаетъ въ Ононъ, притокъ Шилки.
**) Кыценъ — шаманскій бубенъ.

АБАКАНЪ.

(отрывокъ).

Въ тѣни акацій молодыхъ,
Въ прохладѣ тополей вѣтвистыхъ
Онъ льетъ струи въ лугахъ душистыхъ,
Среди ирисовъ голубыхъ.

К....

Красноярскъ.
1831 г.

(„Записки объ Енисейской губерніи" И. Пестова. Москва 1833 г.)

3

* * *

Предо мной въ величіи пустынномъ
Широко раскинулася степь
И мелькаетъ вереницей длинной
Дальнихъ горъ синѣющая цѣпь.
Съ ковылемъ играя серебристымъ,
Освѣжая полуденный зной,
Какъ дыханье юной жизни чистой,
Повѣваетъ вѣтерокъ степной.
Ни жилья, ни колеи дорожной,
Ни слѣдовъ тяжелаго труда!
По холмамъ пасутся осторожно
Дикихъ птицъ пугливыя стада;
На верху несутся переливы
Вольной пѣсни лѣтняго пѣвца
И въ травѣ жужжитъ нетерпѣливый
Зовъ любви цикады-кузнеца.
Стройный хоръ ликующей природы
И широкій манящій просторъ
Будятъ чувство мощное. свободы,
Что въ душѣ заснуло, съ давнихъ поръ

Жизненной борьбою утомленной,
И вольнѣй, и шире дышетъ грудь,
И душѣ, слезою обновленной,
Жадно, жадно хочется стряхнуть
Тяжкій гнетъ страданій пережитыхъ.
Бодрость, сила, вѣра юныхъ дней
Оживаютъ. Рядъ полузабытыхъ
Образовъ встаетъ въ душѣ моей....
И потянетъ снова изъ пустыни
Въ кругъ друзей — далекихъ, но родныхъ...
Такъ и хочешь броситься въ пучину
Въ самый пылъ борьбы людей живыхъ!

***

(„Сиб. Газ.“ 1884 г. № 2)

3*

СРЕДИ КУРГАНОВЪ.

(отрывокъ).

Идешь въ безмолвіи одинъ
Среди всемірнаго кладбища:
Кругомъ высокая трава
Отъ солнца блекнетъ и желтѣетъ,
Все пусто, степь; вдали едва
Примѣтить можно, какъ рябѣетъ
Озеръ соленыхъ синева,
За коими на небосклонѣ
Нашъ останавливаютъ взоръ
Хребты Саянскихъ дикихъ горъ
Средь лѣта въ снѣговой коронѣ.

К....

Красноярскъ.
1831 г.

(„Записки объ Енисейской губерніи“ И. Пестова. Москва 1833 г.)

ВЪ ЮРТѢ.

(отрывки).

Я видѣлъ юрты дикарей
Разбросанныя по долинамъ;
Какъ сопки посреди степей,
Онѣ курятся вѣчнымъ дымомъ.
Вблизи отъ нихъ журчитъ вода,
Дворы татаръ — большое поле,
На коемъ тучныя стада
Пасутся сами въ сладкой волѣ.
Вошедши въ юрту — новый видъ!

. . . .

Старикъ тамъ куритъ свой айранъ
И теплый пьетъ отъ нетерпѣнья.
Въ глазахъ его горитъ веселье,
Лицо краснѣетъ безъ румянъ.

И вотъ онъ потчуетъ старушку;
Жена присѣла къ огоньку,
Взяла осиновую стружку,
Съ которой — вмѣсто табаку —
Ножомъ опилковъ наскоблила,
Набила трубку, закурила
И, съ удовольственнымъ челомъ,
Съ больными, красными глазами
Беретъ изсохшими руками
У мужа чашечку съ виномъ.
За ними маленькіе внуки, —
Всѣ черные и нагишомъ —
Стоятъ передъ большимъ котломъ;
Имъ ложки — собственныя руки....
Собака дѣлитъ ихъ обѣдъ.
Въ углу ихъ сынъ, младой и смѣлый,
Готовяся идти въ тайгу,
Острить убійственныя стрѣлы
И гнетъ упругій лукъ въ дугу.
Въ другомъ углу сидитъ въ бездѣльи
Ихъ дочь — прелестная Ульчи:
Въ сорочкѣ алой изъ каньчи, [1])
На шеѣ блещетъ ожерелье....

---

[1]) Каньча — китайская шелковая матерія.

Она застѣнчива, она
Не такъ бѣла, не такъ нѣжна,
Но сердце дѣлаетъ подвластнымъ....
И, разъ взглянувши ей въ глаза,
Нельзя быть долѣе безстрастнымъ!

К....

Красноярскъ.
1831 г.

(„Записки объ Енисейской губерніи" И. Пестова. Москва 1833 г.)

ВЪ СТЕПИ.

(Изъ стихотворенія неизвѣстнаго поэта о Чингизъ-Ханѣ).

Понынѣ тамъ въ урочный день
Монголовъ жертвенникъ дымится
И хана царственная тѣнь
На тихой тризнѣ веселится.

(„Сибирскія мелодіи“. Спб. 1846 г.)

МОНГОЛУ.

Ты позавылъ твои набѣги
Въ тѣни ночной на станъ врага,
Ты утонулъ въ постыдной нѣгѣ
И честь тебѣ не дорога;
. . . .
И мышцы крѣпкія ослабли,
Труслива стала голова,
Рука забыла взмахи сабли
И съ лука спала тетива;
Ты не отходишь отъ порога
Убогой юрты, — умъ твой спитъ,
И думъ воинственныхъ тревога
Въ твоей груди не закипитъ.

(„Сибирскія мелодіи". Спб. 1846 г.)

САМУЙѢ.

Какъ ты мила въ своемъ нарядѣ!...
Цвѣти, пустыни красота,
Веселыхъ юношей къ отрадѣ!
А мнѣ мила ты, какъ мечта,
Какъ пѣснь любви — души созданье!...
Я не молю тебя, мой другъ,
Ни о любви, ни о вниманьи...
Пускай всегда лишь нѣжитъ слухъ,
Какъ листьевъ розы трепетанье, —
Твое «менду», мой милый другъ!... *)

Ѳ. Бальдауфъ.

(„Воспом. бывшихъ питомцевъ горнаго института". Спб. 1873 г.).

*) По тунгузски и по бурятски «менду» значитъ «здравствуй!».

КАМЧАТКА.

(посмертный отрывокъ).

Мнѣ стоитъ забыться мечтой —
И, силѣ ея уступая,
Живьемъ возстаютъ предо мной
Картины родимаго края.
За видомъ проносится видъ...
Я слышу: на вольномъ просторѣ
Немолчно шумитъ и гудитъ
Камчатское бурное море.
Я вижу: вздымая хребты,
Чернѣя, какъ моря курганы,
Рѣзвятся гиганты-киты,
Высоко пуская фонтаны.
Предчувствуя славный уловъ,
Накренясь до рей надъ волнами,
Трехмачтовый бригъ-китоловъ
Подъ всѣми летитъ парусами...

И. Омулевскій.

(„Восточн. Обозр.“ 1884 г. № 19).

Изъ стихотворенія „Слѣды“.

Ясный день. Бѣгутъ лошадки ровно.
Мягкій снѣгъ, подъ взмахами копытъ,
Раздается съ ласкою любовной
И слегка взлетаетъ и скрипитъ.
Лучъ весны ужь крадется по снѣгу,
Зелень хвоевъ темную согрѣвъ.
Ѣдемъ мы, и тихо вторитъ бѣгу
Ямщика задумчивый напѣвъ.
Ѣдемъ мы опушкою лѣсною.
Снѣга гладь, какъ мягкая постель,
Облегаетъ бѣлой пеленою
И сосну, и сумрачную ель
И стоятъ, въ нѣмомъ великолѣпьи,
На краю ихъ стройные ряды.
А въ снѣгу и розсыпью, и цѣпью,
Сѣть плетутъ извилины-слѣды.
. . . .

**И стоятъ таинственны и строги,
Въ серебрѣ и сумракѣ лѣса;
А за ними горные отроги
Алтарями всходятъ въ небеса;
И, горя на синемъ небосводѣ,
Пламя солнца жжетъ издалека...
Все властнѣй безмолвіе — въ природѣ,
Заунывность — въ пѣснѣ ямщика.**

В. Михеевъ.

(В. Михеевъ. „Пѣсни о Сибири". Москва 1884 г.)

ВЪ ДОРОГѢ.

(отрывокъ).

(Посвящается А. И. Мак—ину).

Ѣду грустный, одинокій,
И на душѣ какой-то гнетъ,
Родныхъ полей просторъ широкій
Передъ глазами возстаетъ.
Свобода, ширь! Вотъ и дорога
Уходитъ черной лентой въ даль,
Но не смиряется тревога,
Не унимается печаль.
Невольно дѣлается жутко;
Услышишь пѣсню — самъ не радъ:
Одна въ ней старая погудка
Звучитъ всегда на старый ладъ.

Въ ней звуки полные укора
Сжимаютъ сердце, какъ тиски.
Та пѣснь — средь воли и простора
Полна и горя, и тоски.
. . . .

Г. Ивановъ.

(„Спб. Газ." № 16, 1885 г.).

ГОРѢЛЫЙ ЛѢСЪ.

(Памяти Саши).

Въѣзжаемъ въ лѣсъ горѣвшій. Погребальной,
Безжизненной все дышетъ тишиной;
Обглоданные, высятся печально
Гиганты порѣдѣвшею толпой.
Какъ призраки ключемъ здѣсь бившей силы, —
Лежатъ — какъ жизни мертвые слѣды —
Съ недвижностью отшельниковъ могилы —
Упавшихъ сосенъ голыя гряды.
Кой-гдѣ торчитъ засохшей, тощей сѣтью,
Опаленный молоденькій соснякъ
И у березъ, опущенныя плетью,
Висятъ безъ листьевъ вѣтви кое-какъ.
И только, въ видѣ новыхъ поколѣній,
Прижившихся къ ударамъ и бѣдѣ,
Кривой березнячокъ кидаетъ тѣни,
Да зеленѣетъ травка кое-гдѣ.

И заползаетъ въ душу грусть невольно,
Ростетъ досада смутная въ груди,
Какъ будто и обидно мнѣ, и больно,
Что жизнь загублена здѣсь безъ пути...

Ф. В—ій.

С. Тюменцево.
Іюнь 1884 г.

(„Спб. Газ." 1888 г., № 38).

4

РѢКА.

Подъ бѣлымъ покровомъ застыла земля,
Не видно овраговъ, сравнялись поля,
Подъ красными зимняго солнца лучами
Снѣгъ бѣлый сверкаетъ цвѣтными огнями...
Прикрыты обрывы рѣчныхъ береговъ;
Безсильна рѣка противъ зимнихъ оковъ
Снѣгъ мягкою бѣлой своей пеленою
Застлалъ ихъ красиво, прикрылъ ихъ собою...
Лишь крикнетъ ямщикъ на лихихъ лошадей,
Какъ борзая тройка промчится по ней,
Да въ ночь, какъ оковы покрѣпче сожмутся,
Зловѣщіе стоны по ней раздаются...
Подъ тѣмъ же холоднымъ покровомъ зимы,
Среди безпросвѣтно царящей тамъ тьмы
Хоть сонная, вялая, вѣчно нѣмая
Особая жизнь шевелится живая.
Нѣтъ доступа свѣту подъ сумрачный сводъ,
Живое оттуда сюда не придетъ,
А если гдѣ жадность оковы прорубитъ,
То тысячу жизней за это погубитъ...

Нѣмая рѣка подъ пушистымъ ковромъ,
Казалось-бы, вѣчнымъ заснула ужь сномъ;
Снѣгъ бѣлый подъ яркими солнца лучами
Спокойно играетъ цвѣтными огнями.
Но вотъ уже вѣтеръ къ намъ съ юга идетъ
И солнце теплѣетъ и раньше встаетъ:
Покровъ бѣлоснѣжный тускнѣетъ, темнѣетъ, —
Вѣдь, солнце такъ ярко, вѣдь, солнце такъ
грѣетъ!...
Свободно вздохнула могучая грудь —
Лишь сильный съумѣетъ такъ смѣло вздохнуть!
И съ трескомъ и стономъ оковы ломая,
Рѣка поднялася отъ края до края...
Волнисто вздымается панцырь литой:
Не выдержитъ, слабый, борьбы роковой!
Искрошенъ! Обломки горой громоздятся
И съ грохотомъ въ темную бездну катятся.
Рѣка побѣдила; бушуетъ, шумитъ,
Не знаетъ преградъ, ничего не щадитъ —
Луга и лѣса по пути затопляя,
Несется волна, на волну набѣгая.
Ужь искры цвѣтныя на ней не горятъ:
Въ ней мутныя, желтыя воды шумятъ...
Могучій потокъ, проносясь надъ землею,
Уноситъ и смытую грязь за собою.
Омыты лѣса, оросились луга —
Рѣка входитъ снова въ свои берега;

4*

Хрустальныя волны, на солнцѣ играя,
Неслышно катятся, прохладой плѣняя.
Все новою жизнью привольной живетъ,—
Омытая зелень роскошно ростетъ,
И рыбка, сверкнувъ чешуей серебристой,
Съ волною играетъ прозрачной и чистой.

Н. Литвинъ.

Томскъ.
1881 г.

(„Сиб. Газ." 1881 г. № 7).

ТАЙГА.

Непроглядно-темна,
  Безконечна, тайга
    Ты сибирская!
Средь долинъ и средь горъ
Заняла ты просторъ
    Богатырская!
По горамъ, по хребтамъ,
По глубокимъ падямъ
    Ты раскинулась;
Надъ широкой рѣкой
Ты зеленой стѣной
    Понадвинулась.
И въ дали голубой
Все покрыла собой,
    Необъятная!
Твоя чаща темна;
Тамъ стоитъ тишина
    Благодатная.

И никто не пройдетъ
Черезъ топи болотъ
Безконечныя!
Нѣтъ дорогъ, нѣтъ пути
Черезъ чащи твои
Вѣковѣчныя!
Звѣроловъ лишь порой
По тропинкѣ лѣсной
Пробирается,
Да бродяга бѣглецъ,
Удалой молодецъ
Укрывается!

Ленскій поэтъ.

(„Сиб. Газ." № 45, 1885 г.)

ГРОЗА.

Солнце скрылось давно; все темнѣй и темнѣй
Небо тучами сплошь покрывается.
И на сердцѣ тоска, и дышать тяжелѣй:
Видно близко гроза надвигается.
И кругомъ тишина, и живое все спитъ,
Словно вѣдьмою принцъ заколдованный.
Но, близка ужь гроза, скоро громъ прогремитъ
И разрушитъ тотъ сонъ очарованный.
И ударитъ гроза... Яркой молніи свѣтъ
Тьму освѣтитъ тогда непроглядную...
Здравствуй, грозная гостья!... Сердечный привѣтъ
Посылаю тебѣ, благодатная!

Ленскій поэтъ.

(„Сиб. Газ.“ № 45, 1885 г.)

НИВА.

У дороги нивушка стояла,
Зеленой головушкой качала
И шептала каждый разъ при встрѣчѣ
Мужику она такія рѣчи:
«Ахъ ты пахарь, пахарь ненарядный,
«Закоптѣлый, сѣрый, неприглядный,
«Для меня одной, для нивки Божьей
«Ты любого барина пригожѣй.
«Для меня вставалъ ты съ самой ночи,
«Ѣла пыль тебѣ на пашнѣ очи,
«Ты и нѣжилъ-то меня, и холилъ
«И на мнѣ не мало поту пролилъ...
«Погоди-же малость, мой радѣтель,—
«Отплачу тебѣ за добродѣтель:
«Коль отъ сиверки, да непогоды
«Не погибнутъ зеленые всходы,
«Коль засуха злая ихъ не выжжетъ,
«Коль дождемъ ихъ во время побрызжетъ,

«Если ведро дастъ набраться силки,
«Да не будетъ по веснѣ кобылки,
«Да безъ града будутъ лѣтомъ грозы,
«Да не хватятъ ранніе морозы,—
«Такъ въ ту пору, господинъ мой ратай,
«Дамъ тебѣ я урожай богатый»...

Ф. В—ій.

С. Боровлянка.
1884 г. Іюнь.

* * *

Заболѣли мои ноженьки
Со дороженьки,
Пріустали руки бѣлыя
Со работушки.
Покатилась съ плечъ головушка
Со заботушки...

* * *

Ужь ты скука, ты наша забота,
Деревенская наша работа...
Онѣ ноченьки мало спятъ,
Онѣ другъ дружку торопятъ,—
Чтобы скорешенько убраться,
Чтобы туча не нашла,
Чтобы тученька не находила,
Частымъ дождичкомъ не мочила,
Что не маленькимъ,—дождемъ большимъ...

(Записаны въ д. Балкашинѣ, близь Иркутска. „Сибирь" 1886 г. №№ 22 и 29).

* * *

День я хлѣба не пекла,
Печку не топила,
Въ городъ съ ранняго утра
Мужа проводила.

Два лукошка толокна
Продала сосѣду
И купила я вина,
Назвала бесѣду.

Все плясала, да пила;
Напилась, свалилась;
Въ это время въ избу дверь
Тихо отворилась.

И, съ испугомъ, я въ двери
Увидала мужа;
Дѣти съ голода кричатъ
И дрожатъ отъ стужи.

Поглядѣлъ онъ на меня,
Покосился съ гнѣвомъ,
И давай меня стегать
Плеткою, съ припѣвомъ:

«Какъ на улицѣ морозъ,
«Въ хатѣ не топлено;
«Нѣтъ въ лукошкахъ толокна,
«Хлѣба не печено.

«У сосѣда толокно
«Дѣтушки хлѣбаютъ;
«Отчего-же у тебя
«Зябнутъ, голодаютъ?

«О тебя, моя душа,
«Изобью всю плетку,—
«Не мѣняй ты никогда
«Толокна на водку»!

Ужь стегалъ меня, стегалъ,
Да, знать, стало жалко,—
Бросилъ въ уголъ свою плеть,
Да схватилъ онъ палку.

Раза два перекрестилъ,
Плюнулъ съ злостью на полъ,
Поглядѣлъ онъ на дѣтей,—
Да и самъ заплакалъ.

Охъ, мнѣ это толокно
Дорого досталось!
Двѣ недѣли на бокахъ,
Охая, валялась!

Охъ, болитъ моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во снѣ мнѣ снится!

И. Суриковъ.

1868.

(„Стихотворенія И. З. Сурикова". Москва 1884 г.)

ВЪ ГОРОДѢ.

Я видѣлъ сцену въ русскомъ духѣ:
Средь модной улицы и днемъ,
Мужъ, озвѣрѣвшій отъ сивухи,
«Училъ» жену предъ кабакомъ.
Онъ билъ нещадно кулаками,
Билъ въ грудь ее, въ лицо, въ животъ,
Сваливъ на землю, каблуками
Топталъ... Казалось, что убьетъ!
И эту сцену созерцая,
Ничѣмъ злодѣю не мѣшая,
Стояла тутъ толпа зѣвакъ...
И только громкій хоръ собакъ
Протестовалъ противъ увѣчья!...
И я рѣшилъ, что человѣчья,
Душа живая — у собакъ,
И что собачья — у зѣвакъ.

Ѳеоѳилактъ Мытарь.

1888 г.

* * *

Я видѣлъ: предо мной, блистающій огнями,
Стоялъ высокій домъ и полонъ былъ гостей;
Тамъ говоръ слышался и музыка гремѣла
И много слугъ толпилось у дверей.
А тутъ же рядомъ съ нимъ, вся сумракомъ одѣта,
Избушка старая стояла въ сторонѣ
И тьма безмолвная кругомъ нея лежала,
Лишь слабый свѣтъ чуть брезжился въ окнѣ.
И видѣлъ я: въ углу, при тускломъ,
блѣдномъ свѣтѣ,
Лежалъ въ безпамятствѣ чахоточный больной,
Старушка мать предъ нимъ поникнувши сидѣла,
На грудь склонясь сѣдою головой.

Н. В—ковъ.

Омскъ.
1888 г.

НАШИ ГОСТИ.

Я любилъ, когда пирушка
Собирала къ намъ друзей
И, бывало, мать-старушка
Суетилась для гостей.
У отца лицо сіяло,
Молодымъ казался видъ;
Слышно съ улицы, бывало,
Какъ онъ весело остритъ.
Здѣсь и тамъ горѣли свѣчи
На столахъ и по стѣнамъ,
Здѣсь и тамъ живыя рѣчи
Шли со смѣхомъ пополамъ.
Вспоминались дни былые,
Говорилось то и сё,—
Ухо дѣтское впервые
Посвящалося во всё.
Гости многое, какъ видно,
Испытали на вѣку,
Ихъ послушать бы не стыдно
Было даже старику.

Но бесѣда на распашку
Не сводилася къ тому,
Что могла бы дать поблажку
Развращенному уму.

И. Омулевскій.

(„Восточн. Обозр." 1885 г. № 4).

5

КУЗНЕЦЪ.

(отрывки).

. . . .

Свѣтлѣетъ дремлющій востокъ,
Въ туманѣ утра солнце рдѣетъ,
Луна на западѣ блѣднѣетъ,
Нагорный плещется потокъ
И роетъ берега сыпучи;
Волнуются сѣдыя тучи.
Печально, мрачно все кругомъ...
Кузнецъ стоитъ передъ горномъ,
Шумитъ и пышетъ мѣхъ скрипучій,
Шипя въ горнѣ; огонь трескучій
Крутится вихремъ, — иль порой
Широкой рвется полосой...

. . . .

И съ горъ сбѣжалъ глубокій снѣгъ,
Прошелъ зимы жестокій холодъ,
Но въ кузницѣ не скрипнетъ мѣхъ,
Не брякнетъ въ наковальню молотъ!

Все пусто, дико; горнъ упалъ,
Къ нему тропинка заростаетъ,
И вѣтеръ кровлю разметалъ,
И мѣхъ скрипучій истлѣваетъ...
Вблизи развалинъ, безъ креста,
Видна высокая могила:
Безвѣстной дѣвы красота
Младого кузнеца сгубила!

Ѳ. Бальдауфъ.

(„Воспомин. бывшихъ питомцевъ горнаго института". Спб. 1873 г.)

5*

ОБОЗНАЯ ПѢСНЯ.

Прежде времени осина пожелтѣла,
Листъ широкій осинушка обронила.
Стояла осинушка на отбросѣ,
Вѣтромъ осинушку качнуло,
Сучья у осинушки приломало,
Листья дождикомъ обстегало,
Вершинушку краснымъ солнышкомъ подсушило,
Кору зайки бѣлые обглодали.
Прежде времени головушка посѣдѣла,
Прожила, головушка, на чужбинѣ,
На послугахъ ты у вязниковца,
У пріѣзжаго купчины-ковровца:
Тридцать лѣтъ головушка служила,
Золотой казны она не накопила,
Силу крѣпку въ обозахъ надорвала,
По большимъ дорогамъ силу растеряла.
Накопила только, голова, ты долгу,
Выслужила только грубое ты слово:
«Ахъ, мужикъ, дуракъ ты, неотесъ сибирскій!»

(„Вост. Обозр.“ 1885 г., № 7).

СЕРЕБРЯНКА*).

(Изъ «Бабушкиныхъ записокъ»).

. . . .
Однажды, заслышавъ какой-то содомъ,
  Цыновку мою я открыла;
Взглянула: мы ѣдемъ обширнымъ селомъ,
  Мнѣ сразу глаза ослѣпило:
Пылали костры по дорогѣ моей...
  Тутъ были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — цѣлый табунъ лошадей...
  «Здѣсь станція: ждутъ серебрянки»,
Сказалъ мой ямщикъ: «мы увидимъ ее,
  «Она, чай, идетъ недалече»...

Н. Некрасовъ.

(„Стихотворенія Н. А. Некрасова". Спб. 1881 г.)

*) Обозъ съ серебромъ.

СТРАНА ЗОЛОТА.

(Изъ «Русскихъ женщинъ»).

. . . .
Сюда-то жадный человѣкъ
  За золотомъ идетъ!
Оно лежитъ по русламъ рѣкъ,
  Оно на днѣ болотъ.
Трудна добыча на рѣкѣ,
  Болота страшны въ зной,
Но хуже, хуже въ рудникѣ,
  Глубоко подъ землей!...
Тамъ гробовая тишина,
  Тамъ безразсвѣтный мракъ...
Зачѣмъ, проклятая страна,
  Нашелъ тебя Ермакъ?...

Н. Некрасовъ.

(„Стихотворенія Н. А. Некрасова". Спб. 1881 г.)

ЧЕРЕЗЪ МРАКЪ КЪ СВѢТУ.

(отрывки).

(Посвящается Витязеву).

I.

Спускался въ шахту я. Въ рукѣ моей несмѣлой,
Дымясь, свѣча кругомъ сгущала тѣнь,
И подъ ногой оцѣпенѣлой
Скользила лѣстницъ мокрая ступень.
Все меньше свѣтъ казался надо мною,
Отверстье шахты уже было все,—
И, окруженъ землистою стѣною,
Я согнутой томительно спиною
Задѣть боялся за нее.
Система лѣстницъ мрачной паутиной
Все ниже шла, и робко я скользилъ
То подъ широкою тесиной,
То подъ подобіемъ перилъ:

То были все площадки и подпоры...
Ступени, связи путались, какъ сѣть...
При взглядѣ внизъ старались взоры
Хотя огни во мракѣ разсмотрѣть...
Въ холодномъ воздухѣ, сыромъ и полномъ влаги,
Мерцали тѣ огни, блуждая тамъ и здѣсь...

. . . .

II.

Спустился я. И чувствовалъ, что люди
Вокругъ меня въ заботахъ и трудѣ,
Что тяжело дышать усталой груди,
Что гнутся всѣ, что мѣста нѣтъ нигдѣ
Свободнаго отъ согнутаго члена, —
Отъ ногъ и рукъ, головъ поникшихъ, спинъ...
За заступы мои цѣплялися колѣна,
И чувствовалъ я здѣсь, что я въ толпѣ одинъ:
Всѣхъ давитъ трудъ, терпѣніе иль злоба...

. . . .

А я? Я видѣлъ: змѣи-корридоры
Ползли въ утробу матери-земли,
И гнулися подъ ней тяжелыя подпоры
И устрашали, и гнели;
Кайла взлетала въ тягостномъ размахѣ,
И сыпалась земля, и съ нею тотъ металлъ,

Что этотъ людъ въ почтеніи и страхѣ
И нынѣ держитъ, и держалъ.
И видѣлъ я, что я пришелъ лишь видѣть,
Что я пришелъ лишь «наблюдать»
Туда, гдѣ надобно терпѣть, иль ненавидѣть,
Туда, гдѣ мало сострадать...

. . . .

III.

Изъ шахты вышелъ я. Тепломъ и лаской нѣжной
Лучи роняло солнце мнѣ на грудь:
Животворя всю землю властно и небрежно,
Оно свершало свой обычный путь;
Бѣлѣли травы искристой росою,
И волны рѣкъ ласкали берега,
И, полной силъ, зеленой полосою
Въ сіяньи дня раскинулись луга.
Душа моя вся таяла глубоко
И, какъ рѣка въ весенній ледоходъ,
Живымъ волненьемъ смѣло и широко
Ломала иго скорби и заботъ...
Стоялъ у шахты я... И былъ смущенъ нежданно:
Рабочему въ нее я путь загородилъ.
Онъ ждалъ покорно. Холодно и странно
Въ его устахъ не смѣхъ бродилъ,

Не судорога тяжкаго укора,
А утомленья тайнаго порывъ.
Не отводя отъ шахты взора,
Какъ будто тягостно застывъ,
Онъ на кайлѣ задумчиво покоилъ
Мозолистой руки холодную ладонь.
Онъ точно говорилъ:
— Чего-бы я ни стоилъ,
Ты лѣнь мою упреками не тронь:
Лѣнивъ-ли я, усталъ-ли я, — не знаю,
Но видишь: я подъ землю ухожу;
Ищу чего-то, что-то добываю,
Кому-то что-то нахожу...
Ввалилась грудь моя, въ морщинахъ обликъ темный,
Все тѣло — кость, а кожа — лишь мозоль;
Вся жизнь — въ работѣ неподъемной,
Въ привычку выросшая боль...
Стоялъ рабочій....
Къ его фигурѣ солнца лучъ приникъ,
И рисовалъ спокойно, безъ упрека:
И равнодушный этотъ ликъ,
И опустившіяся руки,
И эту вдавленную грудь...
Свѣчу я погасилъ. Иные звуки, —
Не трескъ свѣтильни, слышимый чуть-чуть, —
Казалось мнѣ, гремѣли не смолкая:
То солнце рѣчь суровую вело,

Всего меня сіяпьемъ проникая:
— Тебѣ свѣтло, тебѣ тепло,
Но въ этомъ свѣтѣ всемогущемъ,
Куда-бъ ни двинулись вы всѣ,
Предстанетъ вамъ видѣніемъ гнетущимъ
. . . .
То, что ты видишь: въ тьмѣ невольно
Васъ что-то мучитъ, какъ кошмаръ,
И непонятно вамъ, и больно,
И чей-то страшенъ вамъ ударъ...
Вы рветесь къ свѣту... вы достигли,
Васъ озарилъ небесный свѣтъ,
Вы непонятное постигли,
Но вамъ отрады нѣтъ, и нѣтъ:
Вопросъ великій тягостнаго вѣка
Предъ вами озаренъ и ясенъ весь...
. . . .

В. Михеевъ.

(В Михеевъ. „Пѣсни о Сибири“. Москва 1884 г.)

ЗАПѢВАЛО.

По дебрямъ таежнымъ везли паровикъ;—
Дорога была тяжела:
Топоръ въ эти дебри недавно проникъ,
Лопата недавно прошла;—
Везли на развѣдку*): мяснику качать**)
Изъ шахты, пробитой едва;
Коней приходилось не разъ выпрягать
И людямъ машину самимъ поднимать
Не разъ, и не два...
И вотъ открывается страшный подъемъ,
Пугаетъ его крутизна,—
И нечего думать взобраться конемъ:
Подъемъ — не подъемъ, а стѣна.
Ползетъ онъ въ тѣснинѣ, проходитъ межъ скалъ;
Кедровникъ могучій надъ нимъ

*) Развѣдка—изысканіе золота на неизвѣданномъ, новомъ мѣстѣ.

**) Мяснику качать—выкачивать изъ шахты жидкую землю.

Гирляндой суровой со скалъ упадалъ
И, словно смѣясь, неудачъ ожидалъ
Усильямъ людскимъ.
— Постромки долой! — Приказалъ становой *) —
Закинь за машину канатъ,
Стань двадцать рабочихъ впередъ, головой,
Да двадцать, въ подмогу, назадъ.
Пусть спереди тянутъ, а сзади напрутъ...
Да тормазъ, бревно приготовь...
Ну, дѣйствуй, ребята! На водку за трудъ...
Сплохуете — ваши же васъ осмѣютъ,
Да въ глазъ, а не въ бровь!
Впряглись молодцы. Потянули. Кряхтятъ:
Ни съ мѣста — лишь выступилъ потъ.
— Эй вы, напирайте, что стали назадъ!
Увы, хоть одинъ поворотъ
Колеса-бы дали: стоитъ паровикъ.
И всѣ, покраснѣвши лицомъ,
Еще потянули. Напрасенъ и крикъ:
И ноги, какъ будто, и грудь, и языкъ
Налиты свинцомъ.
— Прибавь еще десять! — Кричитъ становой
И десять еще припряглись:
Поникли подъ лямкой опять головой,
Ступили, — тянуть принялись:

---

*) Становой — помощникъ управляющаго на золотомъ пріискѣ, завѣдующій станомъ пріиска.

Сильнѣе, сильнѣе, — ни съ мѣста опять...
Холодный лишь потъ на вискахъ,
Да начало въ грудь полегоньку стрѣлять,
Да мускулы болью чуть-чуть подсѣкать
Въ согнутыхъ ногахъ.
Ни съ мѣста, ни съ мѣста... — Еще припряги:
Пусть будетъ теперь шестьдесятъ.
Ребята, на водку! Себѣ вы враги!
Ложися плотнѣй на канатъ! —
Плотнѣе легли. И уста, и чело
Успѣли у всѣхъ побѣлѣть;
А очи сверкали болѣзненно-зло;
И ноги, какъ палки, въ колѣняхъ свело,
А руки, какъ плеть,
Подъ вдавленной грудью повисли теперь,
Земли не касаясь чуть-чуть...
Согнулся рабочій, какъ травленый звѣрь,
Хрипитъ-задыхается грудь...
Ужь крикъ одобренья нейдетъ съ языка:
Въ молчаніи каждый налегъ.
И тронули словно машину слегка,
Но снова — недвижна она и тяжка —
Вонзилась въ песокъ.
— Эхъ, вижу, ребята, себѣ вы враги...
Да ладно. И то не бѣда.
Иванъ-Запѣвало! Гдѣ онъ? Побѣги,
Тащи его, парень, сюда! —

Сказалъ становой одному. Побѣжалъ,
Привелъ запѣвалу мужикъ:
Невзрачный и хилый, и жалокъ, и малъ,
Глазами испуганно Ванька мигалъ,
Головкой поникъ,
И, русыя кудри откинувъ рукой,
Съ испугомъ смотрѣлъ на ребятъ.
— Эй ты, запѣвало, такой да сякой!
Ступай, становися подъ рядъ.
Тянуть не тяни: надорвешься какъ разъ —
Ишь ты недоростокъ какой —
А, только ребята налягутъ заразъ,
Ты тутъ-то, любезный, немедля, сейчасъ
И пѣсню запой!
Робѣя, припрегся неловко Иванъ,
Покашлялъ чуть-чуть, покряхтѣлъ;
Въ глазахъ его словно поднялся туманъ;
Онъ словно исчезнуть хотѣлъ:
Весь съежился робко подъ лямкой своей...
Но только шагнуть онъ успѣлъ,
Глаза его сдѣлались больше, свѣтлѣй,
Онъ голову поднялъ, шагнулъ посмѣлѣй
И тихо запѣлъ.
Блѣдны, безучастны, шагнули и тѣ,
Что грудь ужь могли надорвать.
Но съ пѣсней Ивана въ ихъ каждой чертѣ
Вниманіе стало дрожать;

И головы подняли тихо они,
И крѣпче легли на канатъ.
Иванъ выводилъ переливы одни,
И слышалось въ пѣснѣ: тяни, да тяни,
Ни шагу назадъ!
И слышалась въ пѣснѣ печаль и тоска,
Унынье безъ жалобъ и слезъ.
А пѣсня лилась-трепетала слегка,
И голосъ пѣвца будто росъ.
Безпечнѣй унынье дышало все въ ней,
Въ той пѣснѣ народно-простой;
И груди на лямку ложились плотнѣй,
И груди отъ лямки-ль болѣли сильнѣй,
Отъ пѣсни-ли той, —
Но боль та манила впередъ и впередъ...
Трещалъ, подавался канатъ.
Безпечнѣй, безпечнѣй все пѣсня стаетъ,
И очи Ивана горятъ...
Все ниже онъ русую голову гнетъ,
Все выше и выше чело
Подъемлетъ усталый рабочій народъ...
И двигаетъ пѣсня всѣ груди впередъ,
Какъ лодку — весло.
И удалью стала безпечность пѣвца,
И посвистомъ пѣсня пошла...
То кудри откинетъ Иванъ отъ лица,
То гикнетъ: была не была!

И льется, и вьется удалый напѣвъ,
Все туже, да туже канатъ...
Рабочіе тянутъ, да тянутъ, присѣвъ;
А Ванька кудрями, какъ гривою левъ,
        Трясетъ пѣснѣ въ ладъ...
И удаль той пѣсни и болью полна,
И къ боли презрѣньемъ лихимъ...
И посвистомъ стонетъ, и плачетъ она,
Смѣется уныньемъ своимъ...
Все тверже и тверже рабочихъ шаги,
Все туже, да туже канатъ...
— Стой, черти, довольно! Себя береги...
Да стойте-же, стойте! Себѣ вы враги:
        Везутъ, не глядятъ!
Довольно: встащили! — И стала толпа.
Всѣ блѣдны, въ холодномъ поту.
И смотрятъ — не видятъ: глядятъ сослѣпа;
Лишь чувствуютъ: сухо во рту.
По тѣлу какъ будто-бы молнія шла,
И вынесло тѣло грозу...
А кручь, что пугала, внизу ужь была,
И также надъ нею висѣла скала
        Далеко внизу...
. . . .
Встащили, встащили!... И поняли вдругъ,
Что дрожь ихъ трясетъ все сильнѣй,
И словно обрывки несознанныхъ мукъ
Ростутъ и скопляются въ ней....

6

И поняли вдругъ, что едва на ногахъ
Они отъ безсилья стоятъ.
И поняли ясно, что боль, а не страхъ,
Терзаетъ ихъ жутко въ груди и плечахъ,
Гдѣ теръ ихъ канатъ.
Безумьемъ, забвеньемъ имъ пѣсня была,
Въ груди ихъ зажглася, какъ гнѣвъ,
О слабости память собою сожгла....
Но, страшную кручь одолѣвъ,
Больны и безсильны, бѣдняги, стоятъ,
И стынетъ на тѣлѣ ихъ потъ....
— Ну, Ванька! — Разбитою грудью хрипятъ —
Не самый-ли дьяволъ, не цѣлый-ли адъ
Въ ёмъ, братцы, поетъ?
— И то! Погляди-ка-сь: безъ дѣла, небось,
Для вида держась за канатъ,
Бѣжалъ онъ, а тоже измученъ, — хоть брось,
Пожалуй, и самъ-то не радъ!
Возьмись, — поколдуй-ка! Ужь чертъ истомитъ,
Коль вѣрный ты дьяволу рабъ!
— Ну, врите!... А Ванька и вправду сидитъ,
Глазами угрюмо глядитъ-не-глядитъ, —
Измученъ и слабъ....

В. Михеевъ.

(В. Михеевъ. „Пѣсни о Сибири“. Москва. 1884 г.)

ПѢСНЯ РАБОЧИХЪ.

Кто на прійскахъ не бываетъ,
Тотъ горя не знаетъ;
Мы на прійскахъ побывали,
Все горе узнали.
Мы ко пріиску подходили,
На горку всходили:
Какъ на горкѣ, какъ на Зинкѣ
Стояла контора,
Какъ во этой во конторѣ
Живетъ нашъ прикащикъ.
Выходилъ онъ, воръ-собака,
На ново крылечко,
Выносилъ онъ, воръ-собака,
Перо и бумагу,
Разсчиталъ онъ, расписалъ
По разнымъ работамъ:
Турфовыя, каменныя,
Третьи — песковыя....

6*

Мы, молоды ребяты,
Запросили дорогія платы;
Выдавалъ онъ, воръ-собака,
Кайлы и лопаты —
Кайлы и лопаты
Канавы копати.
Мы канавушки копали,
Судьбу проклинали!...
Доброй осени дождемся —
Домой поплетемся,
Въ кабачекъ забьемся,
Всѣ вина напьемся, —
Всѣ вина напьемся,
И опять наймемся!

(Записана въ Томскѣ отъ крестьянина Верхотомской волости, изъ подъ Кузнецка).

ПРІИСКОВАЯ ПѢСНЯ

(сложенная рабочими).

Какъ рабочи Голубкова,
Съ молодцами Толкачева,
Въ кабачекъ зашли.
Они мало водки пили,
Только много говорили,
Да и подрались.
Подрались — и помирились
И опять разговорились,
Стали водку пить:
«Мы по собственной охотѣ
Были въ каторжной работѣ —
Въ Сѣверной тайгѣ.
Мы пески тамъ промывали,
Людямъ золото искали,
Себѣ не нашли.
Много денегъ намъ сулили,
Только мало получили:
Вычетъ одолѣлъ!

Щи хлѣбали съ тухлымъ мясомъ,
Припивали дряннымъ квасомъ
И мутной водой.
Зачастую хлѣба корка
Въ горлѣ станетъ какъ распорка,
Что не проглонешь!
Что за бродни, что за шубка,
Что за табачекъ, за крупка,
Эдакая дрянь!
Пріисковые порядки
Для одних хозяевъ сладки,
А для насъ горьки.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Давай выпьёмъ на остатки
И возьмемъ опять задатки,
И айда въ тайгу!...»

(„Сиб. Газ." 1886 г.)

Изъ „ТАЕЖНАГО КАРНАВАЛА“.

(Дѣйствіе относится къ сороковымъ годамъ и происходитъ на пріисковой резиденціи).

Зетычъ (управляющій пріисками, изъ чиновниковъ).

У насъ пока (въ Сибири) два предмета:
Мозольный трудъ и дѣловой разсчетъ;
Всѣмъ нуженъ хлѣбъ, да звонкая монета,
Такъ любознаніе кому на умъ придетъ.
Торгашъ сидитъ, какъ филинъ, на прилавкѣ,
Его жена чаекъ съ кумою пьетъ;
Чиновный классъ хлопочетъ о «прибавкѣ»
И прочнаго гнѣзда себѣ не вьетъ, —
Сегодня здѣсь, а завтра за Ураломъ,
Кто нажился, тотъ ѣдетъ генераломъ,
Кто не съумѣлъ — тотъ съ посохомъ идетъ.
Коробочникъ живетъ на счетъ торговли;
Его девизъ — практическій обманъ;
Онъ тоже спитъ въ тѣни наемной кровли....
. . . .

Приказные съ утра до поздней ночи,
Съ перомъ въ рукахъ, мечтаютъ лишь о томъ,
Какъ свесть итогъ круглѣй и покороче
Въ своемъ житьѣ, до нельзя ужь простомъ.
А тотъ, кого судьба облобызала
И гнѣздышко птенцамъ его свила,
Гласитъ: «учиться-ль намъ сначала? —
«Молодикамъ та очередь пришла.
«Схитрилъ нажить подъяческимъ умишкомъ
«И пенсію, и пряжку, и «почетъ»,
«И кое-что въ наслѣдье ребятишкамъ, —
«Въ концѣ концовъ законенъ нашъ разсчетъ!
«Теперь же есть, благодаренье Богу,
«Занятіе карману и рукамъ:
«Скупай бычковъ, да хлѣбецъ понемногу,
«И развози спокойно по тайгамъ»....

Квачовъ (золотопромышленникъ).

Пудъ золота, и я того же мнѣнья!
Есть у меня въ ломбардѣ милліонъ,
Иду искать въ Европѣ просвѣщенья;
Оттоль въ Нѣмецію, въ Турецію, въ Лондонъ;
Сибирь, тайга, мнѣ, какъ букварь, извѣстны;
Такая глушь, такой бурьянъ вездѣ.
Въ Нѣмеціи климатъ такой чудесный,
Въ Турецiи гульбища на водѣ....

Уѣхали-жь товарищи, нажившись:
Все бросили, окромѣ пріисковъ.
И вѣрно тамъ, на славу просвѣтившись,
Играютъ роль порядочныхъ князьковъ.

Докторъ (сатирически улыбнувшись).

Возьми меня съ собою заграницу:
Я напишу твой путевой журналъ,
Въ Италіи куплю тебѣ пѣвицу,
Разлапушку, — на твой же капиталъ.
Я покажу мѣста, гдѣ жили Тассъ, Горацій,
Вольтеръ, Наполеонъ, Руссо, Рафаель, Брутъ.

Квачовъ.

Резонъ! Съ тобою мы изъ всѣхъ нѣмецкихъ націй
Въ Россію вывеземъ солиднѣйшій маршрутъ.
Не худо-бы махнуть, хоть изъ Парижа,
Въ Америку — сухимъ путемъ, какъ ближе,
А изъ Америки въ Камчатку и въ Китай....

Докторъ (притворяясь серіознымъ).

Потомъ черезъ Кавказъ, Балканы и Алтай,
Гдѣ Дибичъ далъ пашѣ турецкому сраженье,
Мы выѣдемъ на Крымъ и на Москву,
А изъ Москвы обратно на Неву....

Квачовъ.

Согласенъ! Вотъ рука!

Докторъ.

А сколько награжденья?

Квачовъ.

Куплю тебѣ въ Саратовѣ имѣнье
И выстрою съ фигурами дворецъ.

Зетычъ.

Ума и щедрости преславный образецъ....

Александровъ.

(„Сибирскій сборникъ" 1887 г.)

ПѢСНЯ ТОРБАНИСТА.

(Изъ «Таежнаго Карнавала»).

Вотъ съ такими господами
Залихватское житье;
Всѣхъ увѣшалъ-бы крестами
За стиранье и мытье.
Молодецки промываютъ
Въ грязныхъ лужахъ золотцо
И геройски распиваютъ
Заграничное винцо.
Любятъ слушать прибаутки,
Сами-жь дѣло говорятъ;
За веселости и шутки
Не шутя благодарятъ....
А за тяжкую работу,
Будь хоть братецъ ихъ родной,
Не прибавятъ гроша къ счету;
Обочтетъ еще иной.

Александровъ.

(„Сибирскій сборникъ" 1887 г.)

НА ПАРОХОДѢ.

I.

Однообразны впечатлѣнья,
Печаленъ видъ Оби-рѣки:
Тайга, да изрѣдка селенья.
И жалки здѣсь «цари творенья» —
Аборигены-остяки.
Забытый всѣми въ Божьемъ мірѣ,
Свободный и счастливый встарь,
Судьбой обиженный дикарь
Исчезнетъ скоро изъ Сибири.
Мнѣ объяснить никто не могъ,
Что губитъ ихъ. Кулакъ, иль водка?
Начальство, что-ли, слишкомъ кротко
И мало гнетъ въ бараній рогъ?...
Я слышалъ, впрочемъ, объясненье
Отъ кулака-сибиряка,

Что за дурное поведенье
Господь караетъ остяка.
(Клевещутъ часто здѣсь на Бога,
Особенно — кто грабитъ много).

II.

Угрюмѣй къ Сѣверу погода.
Безлюднѣй обская страна.
Куда ни взглянешь съ парохода —
Все та-же скудная природа,
Все та-же лѣса тишина.
Не видно солнца. Низки тучи,
И дождь назойливѣе льетъ....
А пароходъ себѣ идетъ
И вслѣдъ за нимъ — острогъ пловучій.
Казалось, пустъ былъ «мертвый домъ»,
(Солдаты лишь порой мелькали).
И много скрыто въ немъ печали,
И много злобы скрыто въ немъ!
На баржѣ партія большая.
Сибири новые жильцы,
Изъ разныхъ мѣстъ родного края,
Сошлись здѣсь «дѣти» и «отцы».
(Средь арестантовъ изъ дворянства
Былъ крупный воръ изъ интендантства)

III.

И многіе о немъ тужили,
(Воровъ крупнѣй въ Сибири чтутъ!)
Что строго бѣднаго судили
И «старика» не пощадили,
А вмѣстѣ съ партіей везутъ.
«Неосторожно онъ попался,
«И плохъ былъ, видно, адвокатъ....
«Однако, говорятъ, богатъ....
«Припрятать деньги догадался».
И видѣлъ я: блестѣли взоры,
Въ нихъ и прощенье, и любовь....
И долго въ честь большихъ воровъ
Велись въ каютѣ разговоры.
За то не находили словъ,
Бѣдѣ чужой какъ будто рады,
Чтобы злосчастныхъ «варнаковъ»
Ругать ужь вовсе безъ пощады:
И даже дамы сибирячки
Бранили ихъ не безъ горячки.

IV.

Ночь опустилась надъ лѣсами,
И звѣзды рѣдкія горятъ.
Въ повалку, тѣсными рядами,

Прикрывшись сверху зипунами,
Давно переселенцы спятъ.
Съ одной надеждою на Бога
(Другой у нихъ надежды нѣтъ!)
Искать спасенія отъ бѣдъ
Въ далекій край ихъ ѣдетъ много.
Тутъ молодежь и старики,
И бабы и грудныя дѣти,
Пустились въ даль — искать на свѣтѣ
Земли свободной уголки.
Ихъ тяжекъ крестъ. Невѣрна доля,
И дѣти гибнутъ на пути, —
Но безземелье и неволя
Ихъ гонитъ съ родины уйти.
И часто именемъ Христовымъ
Идутъ въ Сибирь за счастьемъ новымъ.

. . . .

***

(„Сиб. Газ." № 39, 1885 г).

НОВОСЕЛЫ.

(отрывокъ).

Посвящается А. И. Ефимову.

. . . .
На встрѣчу мнѣ идетъ обозъ кибитокъ.
Старухи въ нихъ..... . . . .
Съ тупымъ терпѣньемъ молча улеглись.
Скрипѣлъ холщевый кузовъ надъ телѣгой;
Изъ подъ него, съ какой-то грустной нѣгой,
Дѣтей головки свѣшивались внизъ
И на затылокъ ливень принимали.
И, опустивъ усы свои на грудь,
Съ бичемъ въ рукахъ «хозяева» шагали.
А дѣвушки, спѣша перешагнуть
Промоины и лужи, подбирали
Края одежды, — ноги обнажа,
Отъ сырости и ежась и дрожа.
Изморены, измучены дорогой,
Едва шагали лошади. Убого
И слабо упряжь терлась на бокахъ;
Нерѣдко на шлеѣ была заплата.
Уныло шли за маткой жеребята,

И песъ, — едва въ пути онъ не зачахъ —
Языкъ повѣсивъ, съ робкою мольбою
Глядѣлъ въ глаза хозяевамъ своимъ.
Кой-гдѣ подростки двигались гурьбою,
И шелъ, отставъ, ребенокъ-нелюдимъ.
Иные волочили за собою
Сухую ель — находку на дрова....
Ложилась слѣдомъ мокрая трава.

. . . .

Земли, земли! Казалось, это слово
Въ чертѣ любой, задумчиво-суровой
Всѣхъ этихъ лицъ стояло, какъ мечта.
Земли, земли! мужчинъ, казалось, губы
Молить готовы сумрачно и грубо;
Земли! — казалось, дѣтскія уста
Такъ жалобно-печально лепетали.
А эти мускулы суровыхъ рукъ,
Какъ будто мощно вылитыхъ изъ стали,
Казалось, молча вытянутся вдругъ,
Моля ладонью поднятой у дàли —
Сокрытаго въ желанной той дали
Клочка земли, непаханной земли!

. . . .

В. Михеевъ.

(В. Михеевъ „Пѣсни о Сибири". Москва 1884 г.)

7

СОЛОВЕЙ.

(Памяти Саши).

Милая птичка, поэзіи данница,
Ты и сюда залетѣла.
Чѣмъ-же Сибирь тебѣ, нѣжная странница,
Такъ полюбиться успѣла?
Ширь-ли прельщаетъ тебя безконечная
Этихъ степей необъятныхъ? —
Мощь-ли суровая, сумрачность вѣчная
Здѣшнихъ таёгъ непроглядныхъ?
Или съ Сибирью суровой, холодною,
Ты помириться готова
Ради того, чтобы въ ней быть свободною
Дальше отъ шума людского?...
Чтобъ ни влекло тебя, жрецъ вдохновенія,
Въ край этотъ, горькій для многихъ, —
Здѣсь ты желанный пѣвецъ облегченія
Сирыхъ, забытыхъ, убогихъ.

Слышишь? — Отвсюду больные, нестройные,
Словно удары несутся?
То подневольныхъ сердца безпокойныя
Звукомъ надтреснутымъ бьются!...
Что-бы сердца тѣ сюда ни закинуло, —
Каждое грустью томится,
Каждое нѣчто святое покинуло,
Каждое кровью сочится....
Но загремѣлъ ты.... Любовью рожденные,
Сыплются чудные звуки
И — встрепенулись сердца изможденныя,
И пріутихли всѣ муки:
Прошлое въ нихъ, въ этихъ звукахъ....
Послышится
Рокотъ родимаго Буга....
Вдругъ словно воздухомъ Волги задышется....
Вспомнится садикъ, подруга,
Вспомнится дѣтское личико блѣдное....
Истины слово святое, —
Вспомнится все дорогое, завѣтное
И безконечно-родное!

Ф. В—ій.

Село Гутово.
1884 — 1887.

(„Спб. Газ." 1888 г., № 41).

7*

* * *

Да, дѣтство милое далеко улетѣло!...
Но все, что видѣлъ я тогда и что до дна
Мутило душу мнѣ — все это уцѣлѣло
И вотъ съ тѣхъ поръ еще во мнѣ сознанье зрѣло,
Что родина моя — несчастная страна.
Не разъ бывало такъ: встрѣчалъ я на дорогѣ
Толпу громадную и сѣрую въ цѣпяхъ,
Я видѣлъ черныя съ преступниками дроги
И слышалъ я тогда — въ смущеньи и тревогѣ —
Проклятье родинѣ въ отверженныхъ устахъ....
Тогда душа моя невольно содрагалась,
На свѣтлый Божій міръ смотрѣлъ съ тоскою я
И сердце дѣтское сомнѣніемъ терзалось:
Зачѣмъ клянутъ тебя, о родина моя?
И часто я въ тоскѣ, съ молитвою святою;
Предъ кроткимъ образомъ Спасителя стоялъ
Съ руками сжатыми и съ жаркою слезою
И дѣтскій мой языкъ наивно лепеталъ:
«О Боже правый, обнови
«Народъ Твой! Помыслы святые
«Вдохни и влей въ сердца людскія!

«Молю Тебя, Всесильный Богъ,
«Пошли намъ миръ и обновленье,
«А тотъ за городомъ острогъ
«Предай на вѣки запустѣнью!»

. . . .

—o—

Томскъ.
1888.

ТЮРЬМА.

(Арестантская пѣсня).

Тихо и угрюмо
Смотритъ мрачный домъ:
На углахъ по башнѣ
И стѣна кругомъ.
. . . .
Какъ отшельникъ мрачный,
Въ думу погруженъ,
И надъ нимъ летаетъ
Вѣчный, тяжкій сонъ.
Рѣдко долетаетъ,
Лѣтнею порой,
Экипажей легкихъ
Стукъ по мостовой.
Да еще нерѣдко
Нарушаетъ сонъ —
Бой часовъ на башнѣ,
Крикъ сторожевой.

У воротъ сторожка
Панцыремъ блеститъ,
А на солнцѣ ясно
Штыкъ ружья горитъ.
. . . .

(„Сибирь“ 1883 г. № 48).

ВЪ ОСТРОГѢ.

(Изъ поэмы «Бѣглый»).

Угрюма камера замкнутая острога,
Какъ звѣря дикаго огромная берлога.
Нависшiй потолокъ, и стѣны, и углы
Покрыты сыростью и плесенью, какъ мазью,
Кирпичный полъ межъ наръ залѣпленъ
склизкой грязью....
Немолчный гамъ стоитъ; бряцаютъ кандалы;
Пропитанъ влздухъ весь прогорклой смѣсью чада
Съ испариною тѣлъ и гнили; тамъ и тутъ
Дымятся ночники вонючiе.... Какъ стадо,
Здѣсь召 запертъ до утра, острожный буйный людъ....
Здѣсь запертъ страшный звѣрь, стоустый,
стоголовый;
Нѣтъ свѣта и любви въ душѣ его суровой,—
Въ ней злоба на людей, въ ней царство
вѣчной тьмы.
Какъ волкъ подстрѣленный, въ намордникѣ
желѣзномъ,

Рычитъ острожный людъ, желаньемъ безполезнымъ
Томимый — погулять подальше отъ тюрьмы, —
На волѣ рыскать вновь.... Неужли въ этомъ звѣрѣ
Ни чѣмъ не скажется погибшій человѣкъ!
Неужли отъ себя, вступивши въ эти двери,
Все человѣчное на вѣки онъ отсѣкъ!...
Снаружи ночь глядитъ сквозь крѣпкія рѣшетки....
Вотъ староста въ углу, добывъ запретной водки,
Съ любителей-кутилъ, какъ жидъ, сбираетъ дань...
Вотъ на другомъ концѣ закопошилась нара, —
Раздался рѣзкій звукъ кулачнаго удара,
Крикъ многихъ голосовъ, и яростная брань.
И въ этой кутерьмѣ, надъ этимъ страшнымъ гамомъ,
Вдругъ пѣсня поднялась высоко, какъ волна....
Послушаемъ ее, — вѣдь, мы привыкли къ драмамъ, —
Быть можетъ, что-нибудь разскажетъ намъ она.

ПѢСНЯ.

Ты шуми, шуми, дубровушка,
Грусть-кручину заглуши!
Только въ бурю сердцу весело,
Не томитъ тоска души.
Ты не пой мнѣ, пташка, пѣсенку
Объ родимой сторонѣ;

Только пѣсни вѣтра буйнаго
Любо ночью слушать мнѣ.

Пусть зовутъ меня разбойникомъ, —
Я людей губить не могъ....
Не разбой, а бѣдность лютая
Привела меня въ острогъ.

Посадили добра молодца,
Чтобъ не кралъ, не воровалъ,
У прохожихъ на дороженькѣ
Кошельковъ не отнималъ.

Изъ тюрьмы глухой я вырвался,
И скитаюся въ лѣсахъ,
Но и здѣсь я въ злой неволюшкѣ,
Хоть живу и не въ стѣнахъ.

Я скрываюсь, вспоминаючи
Про голубушку-жену.
Сердце кровью обливается,
Жизнь и долю я кляну.

Терпитъ муку, горемычная....
Но еще того страшнѣй,
Вспоминать мнѣ мать родимую
И покинутыхъ дѣтей.

Я пойду-ль въ село родимое —
Сыщутъ вора на дому,
Скрутятъ руки молодецкія,
Отведутъ меня въ тюрьму.

Для чего бѣжалъ-бродяжничалъ —
Мнѣ велятъ держать отвѣтъ....
Свѣтъ великъ, да что мнѣ радости?
Въ немъ бродягѣ мѣста нѣтъ.

Пѣвецъ острожный смолкъ; но пѣсни этой звуки,
Въ замкнутой камерѣ, напомнивъ о разлукѣ
Съ родимой стороной, о свѣтлыхъ дняхъ былыхъ,
О вольной-волюшкѣ, о рощахъ и дубровахъ, —
Отозвались въ сердцахъ острожниковъ суровыхъ,
И, смолкнувъ въ тишинѣ, носились долго въ нихъ.
И этотъ буйный звѣрь, который бѣсновался
За нѣсколько минутъ, затихъ и присмирѣлъ:
Какъ слабое дитя, онъ чувству покорялся
И заглушить его не могъ, и не хотѣлъ.
А тотъ, кто пѣсню пѣлъ, бѣжавшій изъ Сибири
Бродяга, былъ одинъ, казалось, въ цѣломъ мірѣ.
Не слыша ничего, задумчиво поникъ
Онъ русой головой и внизъ глядѣлъ угрюмо....
Какая въ этотъ мигъ его томила дума?
Что колыхнуло въ немъ заглохшихъ чувствъ родникъ?
Отъ скуки и тоски запѣлъ-ли онъ случайно,
Иль горе тайное высказывалъ свое?...
Прошедшее его покрыто было тайной,
Онъ отъ чужихъ людей сберечь умѣлъ ее.
Не выдалъ онъ себя ни словомъ, ни намекомъ,

Но мыслью жилъ всегда въ быломъ своемъ,
далекомъ;
Суровый и скупой на лишнія слова,
Онъ душу открывалъ товарищамъ немногимъ,
Наединѣ грустилъ, и къ судьямъ нашимъ строгимъ
Являлся простакомъ, не помнящимъ родства.
Острожный людъ любилъ несчастнаго собрата,
Хотя никто не зналъ, что онъ въ душѣ своей
Заботливо таилъ; но мнилось, что когда-то
Бродяга этотъ былъ не лишній межъ людей.
Быть можетъ, онъ носилъ не мало преступленій
На совѣсти своей.... Порой ложились тѣни
На блѣдное лицо и взоръ сверкалъ огнемъ....
Кто примѣчалъ за нимъ въ тѣ рѣдкія мгновенья,
Тотъ чувствовалъ тогда и страхъ, и сожалѣнье...
Вѣдь этотъ человѣкъ, худой, съ высокимъ лбомъ,
Отрекся отъ всего, что дорого и любо,
Что мило для людей, — отъ родины святой,
Отъ имени, семьи, — и, все отвергнувъ грубо,
Онъ сталъ между живыхъ могилою нѣмой....
А вечеръ, между тѣмъ, мучительно тянулся.
Острожный людъ отъ думъ тяжелыхъ
встрепенулся, —
Какъ будто сожалѣлъ о слабости своей,
О томъ, что жизни ходъ, суровый и обычный,
Нарушилъ тишиной и грустью непривычной, —
Такая тишина для совѣсти страшнѣй

Допросовъ и суда.... Не лучше-ль буйнымъ
смѣхомъ
Тотъ голосъ искренній и грустный заглушить,
Который прогремѣлъ въ душѣ преступной
эхомъ, —
И сразу оборвалъ ненужныхъ мыслей нить!...
И снова крикъ, и брань, и хохотъ... Настроенье
Минутное прошло... Лучъ свѣта на мгновенье
Блеснулъ изъ темныхъ тучъ надъ бездной —
и потухъ....
Блудящій огонекъ пронесся мимолетомъ
Надъ сумрачнымъ, гнилымъ, заброшеннымъ
болотомъ —
И скрылся.... Громкій крикъ немолчно
рѣжетъ слухъ.
Тотъ — глупой остротой, другой — нахальной
сплетней
Спѣшатъ себя развлечь, стараясь объ одномъ:
Чтобъ время какъ нибудь тянулось незамѣтнѣй...
И такъ проходитъ жизнь острожныхъ
день за днемъ!...

И. Суриковъ.

1877.

(„Стихотворенія И. З. Сурикова". Москва 1884 г.)

ПѢСНЯ КАТОРЖНАГО.

Ой ты горечь, злая мачиха Сибирь!
Снѣжной степью разметалась вдоль и вширь;
Не привѣтна, не привольна, не людна,
Неприглядна, непріютна, холодна!
Не грызи ты злобой-местію своей
Беззаступныхъ горемыкъ, страдныхъ людей,
Что томятся въ чужедальной сторонѣ
Съ лиходѣями-ворами наравнѣ....
Зналъ и я иную долюшку,
Зналъ и я свободу, волюшку,
На родимой на сторонушкѣ,
При любимой пташкѣ-женушкѣ;
Да она, моя красавица,
Сатана-змѣя-лукавица,
И людей не постыдилася —
Съ цѣловальникомъ слюбилася!...
На совѣтъ позвалъ я хмѣлюшку,
И друзьямъ постлалъ постелюшку;
Услужилъ любимымъ чадушкамъ:
Уложилъ на мѣстѣ рядышкомъ....

Не томи ты, дума черная!
Не греми ты, цѣпь зазорная,
Что брянчишь на степь пустынную
Про вину мою безвинную!
Ой ты горечь, злая мачиха Сибирь!
Снѣжной степью разметалась вдоль и вширь,
Не привѣтна, не привольна, не людна,
Неприглядна, непріютна, холодна!

Шумахеръ.

(„Шутки послѣднихъ лѣтъ". Москва 1879).

***

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Надъ поляночкой, надъ широкою.
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныихъ, бродягъ бѣглыихъ,
Бродягъ бѣглыихъ, безпачпортныихъ.
Ужь мы плотнички, да безтопорнички,
Безтопорнички, да бездолотнички....

(Записана близь Иркутска „Сибирь“ 1886 г. № 4).

НЕРЧИНСКІЕ БѢГЛЕЦЫ.

(отрывокъ).

Все спитъ, все тихо на долинѣ,
Гдѣ скромно плещется Борзя; *)
Лишь вѣтерокъ, несясь къ вершинѣ,
Шумитъ межь листьями скользя....
Но кто тропою неизвѣстной
Идетъ въ лѣсу порой ночной?
Кто, какъ лампадою небесной,
Руководимъ во тьмѣ луной?
Бѣглецъ удалый съ Акатуя.... **)
О милой вольности тоскуя,
О ней лишь бредя подъ землей, —
Онъ бросилъ прочь кирку и молотъ —
И путь направилъ въ лѣсъ густой,
Презрѣвъ бѣды, осенній холодъ....

---

*) У подошвы Донинскаго хребта течетъ Средняя или Кадаинская Борзя.

**) Акатуй — одинъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ.

8

Идетъ мой путникъ удалой
Смѣлѣй, чѣмъ днемъ, во меракѣ ночи....
Но что его встрѣчаютъ очи?
Что видитъ онъ передъ собой?
Съ полянки, между деревами
Огонь крутится къ облакамъ
И по желтѣющимъ листамъ
Играетъ яркими лучами....
И страхъ, и радость вмѣстѣ въ немъ...
Ужели это объѣздные? *)
Они, быть можетъ, предъ огнемъ
Здѣсь точатъ стрѣлы боевыя....
Но если страхъ напрасенъ мой?
И вотъ идетъ къ огню онъ ближе;
Припалъ между кустами ниже —
И смотритъ. Котликъ небольшой
Виситъ надъ пламенемъ багровымъ
И человѣкъ на пнѣ сосновомъ
Сидитъ за котликомъ. У ногъ
Стоитъ открытый туезокъ
И брошено полумѣшечье....
Исчезло думъ противорѣчье,
Прошла боязнь, — онъ все постигъ;
И ободрился въ тотъ же мигъ,

*) Объѣздные—изъ мастеровыхъ, ловившіе бѣглыхъ.

Въ немъ радость вспыхнула, какъ порохъ, —
Спѣшитъ къ огню; но листьевъ шорохъ
Привелъ сидѣвшаго въ испугъ:
Схвативъ свой скарбъ, онъ вспрыгнулъ вдругъ
И въ лѣсъ, какъ заяцъ боязливый,
Бѣжитъ отъ гончей торопливой....
Другой, гонясь за нимъ въ кусты,
Кричитъ; «не бойся! мы съ тобою
Идемъ дорогою одною, —
Я такъ же бѣглый, какъ и ты....
Во мнѣ найдешь ты не злодѣя, —
Я не ловить тебя хочу;
Зачѣмъ же, братъ мой, ты, робѣя,
Уйти торопишься въ чащу?
Смотри, смотри ко мнѣ на плечи:
На нихъ нѣтъ стрѣлъ и сайдака;
Не бойся! Вотъ тебѣ рука
Въ залогъ счастливой нашей встрѣчи;
Остановись, — не мучь меня!»
И на призывъ краснорѣчивый
Идетъ назадъ бѣглецъ трусливый....
Они сошлись — и у огня
На прежнемъ мѣстѣ оба сѣли —
И разговоры закипѣли.
— «Откуда ты?» — «Изъ Клички я! *)

---

*) Кличка -- селеніе, въ окрестностяхъ котораго находится нѣсколько рудниковъ.

8*

. . . .

. . . .

Какъ прежде, я люблю свободу,
Полуночные крики совъ,
И мракъ ночей, и мракъ лѣсовъ —
И даже не проходитъ году,
Чтобъ не бѣжалъ я отъ работъ....
Лишь до ушей моихъ дойдетъ
Кукушки вѣщей звукъ призывный,
Меня какой-то силой дивной
Въ лѣса дремучія влечетъ;
Лишь красную весну почую, —
Я прочь бѣгу изъ Акатую,
Но не объ вольности одной
Горюю я, товарищъ мой!...»

Ал. Таскинъ.

1832 г.

(„Восном бывшихъ питомцевъ горнаго института“, Спб. 1873 г.).

26 ОКТЯБРЯ 1881 ГОДА.

Ужь триста лѣтъ, какъ сынъ опальный
Россіи — въ дальній край пришелъ,
И въ немъ обрѣлъ конецъ печальный
И славу громкую нашелъ....
И краемъ тѣмъ Москвѣ спѣсивой
Челомъ ударилъ.... Но рѣка
Сибири мстительно-ревниво
Взяла на вѣки Ермака.
И изъ наслѣдія опалы
Нашъ край опалы сталъ страной:
Сердецъ не мало припадало
Ко груди чуждо-ледяной....
Не зная къ ней любви, быть можетъ,
Они согрѣли эту грудь:
Ермакъ не вѣдалъ, что проложитъ
Для Достоевскаго онъ путь....

И благія пожеланья
Всѣмъ борцамъ твоимъ тая,
Изъ отчизны въ край изгнанья
Вновь несется мысль моя....

Н. С. К.

(„Восточн. Обозр.“ 1884 г. № 10).

ИСПОВѢДЬ ВОЙНАРОВСКАГО.

(Изъ поэмы К. Ѳ. Рылѣева «Войнаровскій»).

(Андрей Войнаровскій — личность историческая; онъ былъ сыномъ родной сестры Мазепы и ближайшимъ сотрудникомъ его, какъ въ военныхъ дѣлахъ, такъ и въ политическихъ замыслахъ. Послѣ полтавской битвы бѣжалъ заграницу вмѣстѣ съ дядей, но въ Гамбургѣ былъ схваченъ по требованію Петра Великаго, привезенъ въ Россію и сосланъ въ Якутскъ Здѣсь въ 1736—7 гг. видѣлъ его исторіографъ Миллеръ. Этотъ моментъ свиданія и взятъ поэтомъ темой настоящаго отрывка. Войнаровскій былъ человѣкомъ блестящихъ дарованій).

. . . .

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я и какъ сюда попалъ?...»
Такъ незнакомецъ продолжалъ, —
«Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди,
Они не поняли-бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала-бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;

Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя:
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
И несчастливцу не измѣнишь....
«Дивись же, странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой —
Узнай — сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ съ тоской глубокой....
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу какъ остовъ, очи впали
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ни что меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль въ душѣ свинцомъ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.

Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей,
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальніе снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага....

. . . .

«И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться-ль, странникъ: я-бъ желалъ,
Что-бъ люди узника чуждались,
Что-бъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился-бы съ моей душой....
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,

Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты;
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты....
«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ вслѣдъ
Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало, кони быстроноги,
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ
И малой горстью толокна.
Въ неотразимые наѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ,
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ.

Дружины грозныя громили,
Селенія и грады — въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.
«Я счастливъ былъ, но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось.
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной,
Все на Украйнѣ ополчилось.
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій.
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.
«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался:
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ и собиралъ полки.
Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ —
Вхожу — и слышу: «я желалъ

9

«Давно бесѣдовать съ тобою;
«Давно хотѣлъ открыться я
«И важную повѣрить тайну;
«Но напередъ завѣрь меня,
«Что ты, при случаѣ, себя
«Не пожалѣешь за Украйну».
— «Готовъ всѣ жертвы я принесть»,
Воскликнулъ я, «странѣ родимой;
«Отдамъ дѣтей съ женой любимой,
«Себѣ одну оставлю честь». —
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:
— «Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
«Давно прямаго гражданина
«Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
«Я не люблю сердецъ холодныхъ:
«Они враги родной странѣ,
«Враги священной старинѣ,
«Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
«Имъ чувствъ высокихъ не дано,
«Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
«Отъ колыбели до могилы
«Имъ пресмыкаться суждено.
«Ты не таковъ; я это вижу;

«Но чувствъ твоихъ я не унижу,
«Сказавъ, что родину мою
«Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
«Какъ должно юному герою,
«Любя страну своихъ отцовъ,
«Женой, дѣтями и собою
«Ты ей пожертвовать готовъ....
«Но я, но я, пылая местью,
«Ее спасая отъ оковъ —
«Я жертвовать готовъ и честью!
«Но къ тайнѣ приступить пора:
«Я чту Великаго Петра,
«Но — покоряяся судьбинѣ —
«Узнай: я врагъ ему отнынѣ!
«Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
«Отъ случая всему рѣшенье,
«Успѣхъ не вѣренъ — и меня
«Иль слава ждетъ, иль поношенье!
«Но я рѣшился; пусть судьба
«Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
«Ужь близокъ часъ, близка борьба,
«Борьба свободы съ самовластьемъ!»
  «Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!

9*

Мазепѣ предался я слѣпо,
И, другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.
Ахъ! можетъ, былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя....
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой.
Но, ахъ! вдали страны родной,
Могу-ль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю,
Въ странѣ пустынной и чужой!
Какъ тѣнь, вездѣ тоска за мною....
Ужь гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ расплавляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя —
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;

Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей....
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ, иль славой,
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы! Умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я — и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!»

К. Рылѣевъ.

(„Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева". Спб. 1872 г.)

СВИДАНІЕ КНЯГИНИ ВОЛКОНСКОЙ СЪ МУЖЕМЪ.

(Изъ «Записокъ бабушки»).

. . . .

— Не здѣть-ли преступники? «Здѣсь, да ушли».
— Куда? — «На работу, вѣстимо!»
Какія-то дѣти меня повели....
Бѣжали мы всѣ — нестерпимо.
Хотѣлось мнѣ мужа увидѣть скорѣй;
Онъ близко! Онъ шелъ тутъ недавно!
— Вы видите ихъ? я спросила дѣтей.
«Да, видимъ! Поютъ они славно!
Вонъ дверца.... гляди-же! Пойдемъ мы теперь,
Прощай!...» Убѣжали ребята....
И словно подъ землю ведущую дверь
Увидѣла я — и солдата.
Сурово смотрѣлъ часовой, — на голо
Въ рукѣ его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
Хоть золото я предлагала!

Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди!
Помедлимъ немного. Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время —
Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужь давно тамъ упали!...
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
Страданія насъ породнили....
«Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!»
На родинѣ мнѣ говорили;
Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
На крайней ступени паденья,
Умѣли по своему выразить намъ
Преступники дань уваженья;
Меня съ неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встрѣчали:
«Вы ангелы наши!» За нашихъ мужей
Уроки они исполняли.
Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ полы
Картофель колодникъ клейменый!
«Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!»

Хорошъ былъ картофель печеный,
Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
Когда я о немъ вспоминаю....
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо! Считали свой трудъ ни во что
Для пасъ эти люди простые,
Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто изъ народа, родные!...
Рыданьямъ моимъ часовой уступилъ,
Какъ Бога его я просила! —
Свѣтильникъ (родъ факела) онъ засвѣтилъ,
Въ какой-то подвалъ я вступила,
И долго спускалась все ниже; потомъ
Пошла я глухимъ корридоромъ,
Уступами шелъ онъ; темно было въ немъ
И душно; гдѣ плѣсень узоромъ
Лежала; гдѣ тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорохъ: земля иногда
Комками со стѣнъ упадала;
Я видѣла страшныя ямы въ стѣнахъ;
Казалось, такія-жъ дороги
Отъ нихъ начинались. Забыла я страхъ,
Проворно несли меня ноги!
И вдругъ я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?

Ходить не позволено дамамъ туда!
Вернитесь скорѣй! Погодите!»
Бѣда моя! видно, дежурный пришелъ
(Его часовой такъ боялся),
Кричалъ онъ такъ грозно, такъ голосъ былъ золъ,
Шумъ скорыхъ шаговъ приближался....
Что дѣлать? Я факелъ задула. Впередъ
Въ потьмахъ на угадъ побѣжала....
Господь, коли хочетъ, вездѣ проведетъ!
Не знаю, какъ я не упала,
Какъ голову я не оставила тамъ!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасныхъ разсѣлинъ, проваловъ и ямъ,
Богъ вывелъ меня невредимо:
Я скоро увидѣла свѣтъ впереди,
Тамъ звѣздочка словно свѣтилась....
И вылетѣлъ радостный крикъ изъ груди:
«Огонь!» Я крестомъ осѣнилась....
Я бросила шубу.... Бѣгу на огонь....
Какъ Богъ уберегъ во мнѣ душу!
Попавшій въ трясину, испуганный конь
Такъ рвется, завидѣвши сушу....
И стало, родные, свѣтлѣй и свѣтлѣй,
Увидѣла я возвышенье:
Какая-то площадь.... и тѣни на ней....
Чу...: молотъ! работа, движенье....
Тамъ люди! Увидятъ-ли только они?

Фигуры отчетливѣй стали....
Вотъ ближе, сильнѣй замелькали огни.
Должно быть меня увидали....
И кто-то, стоявшій на самомъ краю,
Воскликнулъ: «Не ангелъ-ли Божій?
Смотрите, смотрите!» — «Вѣдь мы не въ раю:
Проклятая шахта похожѣй
На адъ!» говорили другіе, смѣясь,
И быстро на край выбѣгали.
И я приближалась поспѣшно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.
— Волконская! вдругъ закричалъ Трубецкой
(Узнала я голосъ). Спустили
Мнѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
Все люди знакомые были:
Сергѣй Трубецкой, Артамонъ Муравьевъ,
Борисовы, князь Оболенскій....
Потокомъ сердечныхъ, восторженныхъ словъ,
Похвалъ моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицамъ ихъ, полнымъ участья....
Но гдѣ же Сергѣй мой? «За нимъ ужь пошли,
Не умеръ-бы только отъ счастья!
Кончаетъ урокъ: по три пуда руды
Мы въ день достаемъ для Россіи,
Какъ видите, насъ не убили труды!»
Веселые были такіе,

Шутили, но я подъ веселостью ихъ
Печальную повѣсть читала
(Мнѣ новостью были оковы на нихъ,
Что ихъ закуютъ — я не знала)....
Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ,
Утѣшила я Трубецкаго;
Всѣ письма, по счастію, были при мнѣ
Съ привѣтомъ изъ края роднаго.
Спѣшила я ихъ передать. Между тѣмъ,
Внизу офицеръ горячился.
«Кто лѣстницу принялъ? Куда и зачѣмъ
Смотритель работъ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!... Эй, лѣстницу, черти!
Живѣй!» (Но никто не подставилъ ее)....
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что-жъ вы?... Но мы
Все въ глубь уходили.... Отвсюду
Бѣжали къ намъ мрачныя дѣти тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мнѣ путь впереди,
Носилки свои предлагали....
Орудья подземныхъ работъ на пути,
Провалы, бугры мы встрѣчали.
Работа кипѣла подъ звуки оковъ,
Подъ пѣсни — работа надъ бездной!
Стучались въ упругую грудь рудниковъ

И заступъ, и молотъ желѣзный:
Тамъ съ ношею узникъ шагалъ по бревну,
Невольно кричала я: «тише!»
Тамъ новую мину вели въ глубину,
Тамъ люди карабкались выше
По шаткимъ подпоркамъ.... Какіе труды!
Какая отвага!... Сверкали
Мѣстами добытыя глыбы руды
И щедрую дань обѣщали....
Вдругъ кто-то воскликнулъ: идетъ онъ! идетъ!
Окинувъ пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись впередъ —
Канава была передъ нами.
«Потише, потише! Ужели затѣмъ
Вы тысячи верстъ пролетѣли»,
Сказалъ Трубецкой, «что-бъ на горе намъ всѣмъ
Въ канавѣ погибнуть — у цѣли?»
И за руку крѣпко меня онъ держалъ:
«Что-бъ было, когда-бъ вы упали?»
Сергѣй торопился, но тихо шагалъ,
Оковы уныло звучали.
Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
Рабочіе люди и стража....
И вотъ онъ увидѣлъ, увидѣлъ меня!
И руки простеръ ко мнѣ: «Маша!»
И сталъ, обезсиленный словно, вдали....
Два ссыльныхъ его поддержали.

По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
Простертыя руки дрожали....
Душѣ моей милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,
Отраду, надежду, забвеніе мукъ,
Отцовской угрозы забвенье!
И съ крикомъ: «иду!» я бѣжала бѣгомъ,
Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ, надъ зіяющимъ рвомъ,
На встрѣчу призывному звуку....
«Иду!...» Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое....
И я подбѣжала.... И душу мою
Наполнило чувство святое..
Я только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его.... и готовность страдать!...
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни, — и, прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!...
И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи, — въ мгновенье
И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ,
И замерло словно движенье,
Чужіе, свои — со слезами въ глазахъ,

Взволнованы, блѣдны, суровы
Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
Не издали звука оковы,
И въ воздухѣ поднятый молотъ застылъ....
Все тихо — ни пѣсни, ни рѣчи....
Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлилъ
И горечь, и счастіе встрѣчи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

Н. Некрасовъ.

(„Стихотворенія Н. А. Некрасова". Спб. 1881 г.)

ВЪ АЛЬБОМЪ

Маріи Николаевнѣ Волконской

(женѣ декабриста).

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ томъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады....
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта, —
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Кн. Ал. Одоевскій.

25 Декабря 1829 г,

(Полное собраніе стихотвореній кн. Ал. Ив. Одоевскаго (декабриста). Спб. 1883 г.)

НА ПРІѢЗДЪ ВЪ СИБИРЬ КЪ ЖЕНИХУ.

(Эмиліи Петровнѣ Ивашевой, женѣ декабриста).

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается —
Что не парень удалой
Мягкимъ снѣгомъ опушается;
Нѣтъ, то ласточка летитъ
По-дорогѣ, красна-дѣвица.
Мчатся кони.... Отъ копытъ
Вьется легкая метелица.
Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душою вдаль уносится,
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится....
Грустно ей.... Родная мать
Тужитъ тугою сердечною;
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.

ТЫ ЗНАЕШЬ ИХЪ?

(А. М. Янушкевичу, передавшему привѣтъ отъ Курганскихъ товарищей).

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ черную годину я дѣлилъ, —
Ты знаешь ихъ! — Какъ я, ты жалъ имъ руку,
И передалъ мнѣ дружный разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку,
Казалось, былъ на родинѣ моей
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.
Такъ путники идутъ на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океанъ —
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манитъ ихъ въ даль.... Лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

Кн. Ал. Одоевскій.

30 Октября 1836 г.

(„Полное собраніе стихотвореній кн. Ал. Ив. Одоевскаго (декабриста)". Спб. 1883 г.)

Изъ поэмы „Вѣчный жидъ“.

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужь не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
Они сокрылись, — я одинъ въ пустынѣ
И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ,
Вступаетъ въ мозгъ костей студеный трепетъ,
Дрожащихъ устъ невнятный, слабый лепетъ
Едва промолвить можетъ: «тотъ же прахъ,
Такой же гость ничтожный и мгновенный
За трапезой земнаго бытія,
Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
Часы несутся: вскорѣ во вселенной
Не обрѣтутъ и слѣда моего;
И я исчезну въ лонѣ Ничего,
Изъ коего для бѣдъ и на истлѣнье
Я вызванъ рокомъ на одно мгновенье».

В. Кюхельбекеръ.

Тобольскъ.
1840—42 г.

(„Русская Старина“ 1878 г., № 3).

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ

„Изгнанникъ къ своимъ родителямъ“

Вы не печальтесь обо мнѣ,
Друзья мнѣ сердцемъ и душою;
Я не знакомъ еще съ тоскою,
Живя изгнанникомъ въ странѣ;
Благодарю Творца стократно;
Не жажду въ мірѣ ничего,
И предаюся безвозвратно
Я въ милосердіе Его.
И лишь о васъ моя тревога —
Лишь одного прошу у Бога,
Чтобы спокойны были вы;
А я изъ дальней сей страны,
Исполняся святой отваги,
Одушевлю сей листъ бумаги,
Сыновнимъ чувствомъ напою,

На милу родину пошлю,
Тѣмъ усладивъ разлуку нашу
И въ вашу горестную чашу
Хоть каплю радости волью.

П. Бобрищевъ-Пушкинъ.

(декабристъ).

Читинскій острогъ.
1830 г.

(„Русская Старина“ 1873 г., т. VII).

УРОКИ МУЗЫКИ.

(Памяти Клеймовича).

Въ томъ краю, гдѣ ссыльныхъ очень много,
Въ барскій домъ учитель музыки ходилъ.
Онъ училъ внимательно и строго;
Но способностей немного
Ученикъ его таилъ....

. . . .

Терпѣливъ учитель былъ суровый:
Не промолвитъ жесткаго онъ слова....
А услышитъ робкую ошибку,
Поспѣшитъ гримасу скрыть въ улыбку,
Дернетъ лишь болѣзненно губой....
Разъ стучалъ съ особенною силой
Онъ ногою согнутой объ полъ,—
И на станъ его, болѣзненный и хилый,
Взглядъ невольно мальчикъ перевелъ....

. . . .

Блѣденъ былъ учитель, словно въ лихорадкѣ,
Взоры искрились его,

Волосы спадали въ безпорядкѣ,
Онъ не видѣлъ ничего,
И съ какой-то грустью и тревогой,
По лицу рукою проводилъ,
А ногой, забывчиво и строго,
Отбивалъ мотивъ убогій

. . . .

Мальчикъ все смотрѣлъ. И руки
Съ клавишей невольно онъ убралъ.
Столько мысли тайной, столько муки
До сихъ поръ ребенокъ не видалъ.
Но не слыша музыки плачевной,
Вдругъ учитель вздрогнулъ, покраснѣлъ,
Взглядъ блеснулъ досадой гнѣвной....
Но ребенка голосъ зазвенѣлъ:
— Вы больны, monsieur? И дѣтское участье
Былъ monsieur не въ силахъ оттолкнуть:
Руку сжалъ онъ мальчику со страстью,
Призадумался чуть-чуть, —
И съ загадочной улыбкой
Къ фортепьяно онъ присѣлъ, —
Пробѣжалъ по клавишамъ рукою гибкой,
Весь, какъ мраморъ, поблѣднѣлъ....
И ударили призывно,
Звуки стройной чередой.
Въ нихъ величье было гимна:
Такъ предъ общею бѣдой,

На борьбу сзываютъ братья
Братьевъ близкихъ и сестеръ:
Жарки скорбныя объятья,
И слезами блещетъ взоръ;
Но тверда рука, и очи
Не смигнутъ передъ врагомъ.
Звуки дѣлались короче,
Накоплялись, словно громъ;
Въ нихъ дышало ужь веселье
Грозной пѣснью торжества.
Мести злобное похмѣлье
Ихъ не спутало едва....
. . . .

Оборвалъ учитель.... Всталъ со стула,
Вновь ребенку руку тихо сжалъ;
На глазахъ слеза блеснула,
Онъ задумчиво сказалъ:
«Вотъ чѣмъ, мальчикъ, болѣнъ я. А впрочемъ,
«Мы съ тобой урокъ теперь отсрочимъ.
«Если-жъ то, что я игралъ сейчасъ,
«Хоть чуть-чуть, мой милый, полюбилось,—
«Надо лишь, чтобъ сердце поучилось;
«А рука какъ разъ
«Эту штуку выполнить поможетъ,—
«Въ звуки душу переложитъ»....
. . . .

Онъ ушелъ. Задумчивъ сталъ ребенокъ.
Много дней задумчивъ былъ....
Но разъ
Слышитъ онъ; въ гостинной, рѣзко-звонокъ,
Чей-то голосъ велъ живой разсказъ:
«Слышали? — Бунтуютъ, усмирили»....
А мамаши голосъ: «Да, да, да,
Какъ-же, какъ-же, — вѣсти были....
Просто ужасъ! Да бѣда —
Разскажу я, милая, вамъ больше:
Былъ у насъ учитель-музыкантъ —
Тоже онъ изъ Польши —
Посудите, что за франтъ:
Скроменъ, тихъ, а пойманъ съ пистолетомъ,
За городъ бѣжалъ! Весь — музыка одна,
А туда же — поразилъ отвѣтомъ:
«Былъ бѣжать обязанъ».... Вотъ-те на! —
«Наши бьются», онъ твердилъ упрямо,
«А за ними я хоть на разстрѣлъ!»
Ну, да генералъ помиловать хотѣлъ:
За него хлопочутъ дамы.
. . . .

В. Михеевъ.

(В. Михеевъ. „Пѣсни о Сибири“. Москва. 1884 г.)

ДВѢ КАРТИНКИ.

I.

Старушка сѣдая
Сидитъ у окна
И сердце ей гложетъ печаль;
Беззвучно рыдая,
Глядитъ все она
На сѣверъ, въ туманную даль....
И чудится бѣдной:
Далеко, далеко,
Въ странѣ съ безконечной зимой,
Безжизненный, блѣдный,
Лежитъ одиноко
Въ тюрьмѣ ея сынъ дорогой.
А южное небо такъ ясно,
Льетъ свѣтъ серебристый луна,
И южная ночь такъ прекрасна
И такъ аромата полна....

(„Спб. Газ.“ № 3, 1888 г.)

II.

Къ рѣшеткѣ угрюмой
Прижавшись лицомъ,
Измученный узникъ сидитъ,
Подавленный думой,
Онъ въ даль за окномъ
Упорно и жадно глядитъ.
И видитъ въ далекой
Украйнѣ избушку
Въ цвѣтущемъ вишневомъ саду,
Призывъ одинокой
Онъ слышитъ старушки:
Зоветъ она сына въ бреду.
А въ свѣтлой лазури безбрежной
Луна величаво плыветъ
И свѣтъ свой таинственно-нѣжный
На землю уснувшую льетъ.

Н. Н. Н.

КАЙДАЛОВКА*).

Кайдаловка рѣка
Не весьма глубока, —
Въ ней частенько воды не бываетъ;
Но въ истокахъ она,
Хоть водой и бѣдна, —
Все же свѣтлой струей протекаетъ,
Лишь отъ свѣта свои,
Кайдаловка струи,
Межь болотными кочками прячетъ.
И бѣжитъ — не шумитъ,
Если-жъ гдѣ и журчитъ,
То какъ будто тихохонько плачетъ.
Скучно ей средь болотъ....
Но прорваться впередъ
Не съ ея, видно, бѣдною силой!...
Впереди-жъ соръ валятъ,
Да навозъ громоздятъ,
И онъ служитъ ей грязной могилой!

*) Одна изъ трехъ рѣчекъ, на которыхъ расположенъ городъ Чита.

Вотъ и стала бѣдна....
А когда-то она
Полноводною лентой катилась
И съ веселой семьей —
Ингодой, да Читой —
На просторъ къ океану стремилась!
Ахъ, ты, рѣчка моя!
И съ чего это я
Воспѣвать тебя вздумалъ стихами?!
Лучше кончить скорѣй,
Чтобы пѣсни своей
Не прервать, ненарокомъ, слезами!
Ты вѣдь образъ того,
Что меня самого
На пути моемъ горькомъ постигло:
Шла борьба и ключомъ
Била жизнь.... Да потомъ
Средь болота людскаго затихла....

С.

Чита.

(„Спб. Газ.“ 1886 г., № 9).

ЗАБЫВЧИВЫ ЛЮДИ...

Забывчивы люди.... не съ дѣтства-ли мнѣ
Они постоянно твердили,
Что Богъ воплощенный училъ на землѣ,
Чтобъ люди другъ друга любили?
И я ихъ послушалъ, и заповѣдь ту
Храню я, какъ лучшую въ жизни мечту,
И вѣчно хранить ее буду....
Зачѣмъ же теперь упрекаютъ меня
За то, что я вѣрю въ пришествіе дня,
Когда это сбудется всюду?...
Забывчивы люди.... не ихъ-ли урокъ
Я вынесъ изъ практики школьной,
Что жизненной честности подвигъ высокъ?
Къ чему же съ улыбкой довольной
Они мнѣ насмѣшливо нынѣ твердятъ,
Что я не практиченъ, что вреденъ мой взглядъ,
Когда благородно и смѣло,
Какъ рыцарь за даму въ минувшіе дни,
Стою я за честныя мысли свои,
За правое, честное дѣло?...

Забывчивы люди.... не ихъ-ли же рѣчь
Мнѣ, юношѣ, кровь кипятила,
Что родину надо любить и беречь,
Хотя-бы за это могила
И стерла, въ цвѣтущую пору, съ лица
Родимой твердыни ея храбреца?
Зачѣмъ же считаютъ опасной
Теперь, какъ я выросъ, любовь къ ней мою,
Когда я дѣйствительно грудью стою
За счастье отчизны прекрасной?...
Забывчивы люди.... не ты-ли сама,
Подруга моя дорогая,
Едва не сходила, бывало, съ ума,
Надежды мои раздѣляя
На битву съ врагами отчизны моей?
А нынѣ, когда я напомню о ней
Въ плѣну, за рѣшеткой желѣзной,—
Зачѣмъ же ты никнешь на грудь головой,
И слышу я вопль раздирающій твой—
Твой вопль обо мнѣ безнадежный?...

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни". Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

11

В. СТ—МУ.

Наше прошлое свѣтло,
Но оно не возвратится!
Ахъ, какъ часто, часто снится
То, что было, но прошло!...
Да прошло! Но лучезарной,
Яркой свѣтитъ полосой
Въ жизни мелочной, угарной
И мучительно-пустой!
Безобразно и нелѣпо,
Съ злымъ проклятіемъ судьбѣ,—
Въ дикой, черствой, изъ-за хлѣба,
Отвратительной борьбѣ
Дни проходятъ... Горе тьмою
Наполняетъ бѣдный умъ,—
Неотвязною тоскою,
Роемъ злыхъ и мрачныхъ думъ.
Тяжело! И гдѣ-жъ взять силы
Поддержать и умъ, и страсть,
Презирая рокъ постылый,—
Не согнуться и не пасть?!

Гдѣ? — Да въ прошломъ, другъ мой
милый! —
Оглянись: ты тамъ увидишь
Души чудной красоты,
Зло сильнѣй возненавидишь,
Свѣтъ сильнѣй полюбишь ты!
Ихъ дѣла и ихъ страданья,
Стойкость, сила и любовь
Въ сердцѣ бѣдномъ упованья
Юныхъ дней пробудятъ вновь;
Эту жизненную стужу,
Что царюетъ надъ тобой,
Прочь прогонятъ; снова душу
Напоятъ живой водой!
Такъ-то, другъ: лишь гнетъ страданій
Слишкомъ тяжекъ — убѣгай
Въ свѣтлый міръ воспоминаній,
Въ добромъ прошломъ отдыхай.

С.

11*

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

И тѣ, чьи лживыя уста
Всегда предательствомъ богаты,
И фарисеи, и Пилаты
Давно забывшіе Христа
И смыслъ ученія Христова,
И тѣ, въ комъ духъ любви исчезъ
И кто тѣснитъ людей сурово,
Всѣ говорятъ: «Христосъ Воскресъ!»
. . . .
Но появись Онъ въ наши дни,
Чтобы напомнить міру снова
Забытое Святое слово, —
Христа-бы встрѣтили они,
Не смущены Страдальца ликомъ,
Какъ древле, ненавистнымъ крикомъ:
«Распни его, распни!»

Л. С.

(„Спб. Газ." 1888 г., № 31).

ХРИСТОСЪ.

I.

Когда-бы Ты пришелъ, вооруженный
гнѣвомъ,
Съ мечемъ въ рукѣ и сѣя смерть вокругъ,
Опредѣлялъ-бы всѣмъ — и юношамъ, и дѣвамъ,
И старцамъ — казнь, темницу и недугъ, —
Когда-бы кровь людей Ты проливалъ, какъ воду
И, какъ червей, топталъ-бы ихъ въ пыли,
Сковалъ-бы цѣпью ихъ, отнявъ у нихъ свободу,
И блага всѣ, и радости земли, —
Тогда, объятые за жизнь свою тревогой,
При видѣ казни и темницъ,
Они Тебя признали-бы за Бога
И предъ Тобою пали-бъ ницъ.
Раба себѣ Ты встрѣтилъ-бы въ Пилатѣ,
Тебѣ-бы льстилъ синедріонъ, —
Блистающій и въ пурпурѣ, и въ златѣ,
У ногъ твоихъ склонился-бъ онъ...

Но въ міръ, гдѣ страхъ одинъ лишь побѣждаетъ
Сердца людей, холодныя къ любви,
И гдѣ борьба за счастье обагряетъ
Ихъ руки грубыя въ крови, —
Пришелъ Ты — кроткій и безвѣстный,
Съ сіяньемъ мысли на челѣ,
Съ вѣщаньемъ истины небесной,
Любви и братства на землѣ!
И — какъ злодѣй — толпой жестокой
Духовныхъ нищихъ и калѣкъ,
Ты поднятъ былъ на крестъ высокій
И распятъ — Богочеловѣкъ!...

II.

Какъ до Тебя — царятъ всесильно
И нынѣ тѣ же зло и тьма
И такъ же гонятъ свѣтъ ума,
И для любви — все та-жь тюрьма,
Все тотъ же крестъ, да мракъ могильный.
И только именемъ Твоимъ
Прикрывшись — злые лицемѣры
Сулятъ красивыя химеры
Обремененнымъ и слѣпымъ
За ихъ мученія во мглѣ,
За обездоленность, за слезы,

За всѣ несчастія и грозы
Ихъ жалкой жизни на землѣ!
Имъ проповѣдуютъ терпѣнье,
Къ врагамъ безсмысленнымъ любовь,
Чтобъ, вызвавъ въ ихъ сердцахъ смиренье,
Пить безнаказанно ихъ кровь!

С.

(„Спб. Газ.“ 1888 г. № 52)

* * *

Не въ подаяніи грошовомъ,
Не въ утѣшеньи брата словомъ,
Хотя и теплымъ, но пустымъ,
Не въ измышленьи пытокъ лучшихъ
Для исправленія заблудшихъ,
Не въ снисходительности къ нимъ
Таится духъ любви гуманной...
Но онъ скрывается во всемъ,
Что гордо борется со зломъ,
Что носитъ признакъ неустанной
Работы къ счастію другихъ;
Онъ въ тѣхъ умахъ передовыхъ,
Что одиноко среди міра,
Не сотворивъ себѣ кумира,
Съ глубокой вѣрою глядятъ
И на тебя, погибшій братъ....
Крѣпись же, мученикъ идеи,
На благо общее людей,

Забывъ, что врагъ твоихъ идей
Тебя физически сильнѣе....
«Земля и небеса прейдутъ»,
Но если міромъ ты помянутъ
И за такой не будешь трудъ,
То камни въ нѣдрахъ горъ воспрянутъ
И о тебѣ возопіютъ!

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни“. Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

МОНОЛОГИ.

I.

О молодость! Заманчивы твои
Холоднымъ опытомъ не спугнутыя грезы,
Тепломъ и солнцемъ скрашенные дни,
И устъ, и щекъ твоихъ непокупныя розы,
Лишь начатой борьбы таинственная даль
И рѣдкая, безслѣдная печаль.
Но жизнь полна соблазновъ; у нея
Порой, какъ у змѣи, подъ яркой чешуею
Таится ядъ, — и счастіе твое,
Когда она тебѣ не отравитъ покою,
Не вызоветъ въ душѣ мученій длинный рядъ....
О, смерть не такъ страшна, какъ этотъ ядъ!
Ты коротка, тебѣ не дважды цвѣсть;
Лазурь твоихъ небесъ измѣнчива, — бери же
У жизни все, что честнаго въ ней есть,
Что къ подвигамъ ведетъ прямѣй и ближе,
Что мысли придаетъ увѣренность въ себѣ
И мощную энергію въ борьбѣ,

Трудись: ни что не прочно безъ труда;
Взгляни кругомъ, учись: источникъ твой —
природа —
Безъ устали работаетъ всегда,
Чтобъ старости не знать, чтобъ яркій лучъ
восхода
Ни блеска не терялъ, ни прежней чистоты, —
Такъ будь же ей подобною и ты!

Иди впередъ, но знай, что до тебя
Такимъ же шли путемъ другія поколѣнья,
Что ихъ со тьмой упорная борьба
Дала тебѣ самой возможность просвѣтлѣнья;
Что могутъ указать ошибки ихъ пути —
Куда тебѣ не слѣдуетъ идти.

Иди впередъ, но каждый новый шагъ
Соразмѣряй съ потребностью народной,
Чтобъ на тебя открыто даже врагъ
Не смѣлъ смотрѣть съ насмѣшкою холодной,
Чтобъ онъ не наложилъ позорное пятно
На то, что совершить тебѣ дано.

Впередъ! Впередъ! За далью вѣковой
Героямъ предстоитъ награда міровая:
Тамъ плоть и кровь отъ силы роковой
Восприметъ грезъ твоихъ блестящая плеяда —
И родъ людской сольется въ братскій поцѣлуй...
О, молодость! красуйся и ликуй!

II.

Прощай.... прости прекрасный міръ земной!
Съ глубокой страстью на тебѣ я снова
Покою нынѣ взглядъ угасшій мой —
Въ послѣдній разъ. Какъ грустно это слово!
Быть можетъ, свѣтъ занявшагося дня
Еще живымъ покойника застанетъ,
Привѣтливо въ лицо ему заглянетъ, —
И озаритъ торжественно меня
Своимъ лучемъ пурпуровымъ природа;
А, можетъ быть.... и не дождусь восхода....
Да! ты мнѣ милъ, прекрасный міръ земной:
Въ тебѣ я зналъ единственнаго друга;
Любилъ ты больше матери родной
Меня, вѣрнѣе былъ мнѣ, чѣмъ подруга.
Ты далъ мнѣ все, что скрасило мой вѣкъ:
Живую душу, умъ живой и ясный,
Любовь къ добру, порывы мысли страстной —
Все, чѣмъ гордиться можетъ человѣкъ, —
И у меня не отнялъ ничего ты
Взамѣнъ такихъ даровъ, такой щедроты!
А люди?!... Тѣ безжалостно — за то,
Что я любилъ ихъ, плакалъ ихъ слезами —
Меня-жъ терзали пыткой, — и ничто
Казалось мнѣ, подобными часами

Ихъ такъ не забавляло, какъ мое
Растерзанное, облитое кровью,
Но вѣчной къ нимъ согрѣтое любовью
Больное сердце!... Страшно за нее,
За эту пылкую любовь, порою
Платился я.... едва не жизнью всею!
Но мало было этого для нихъ:
Чтобъ я не могъ раскинутыхъ весною
Топтать зеленыхъ бархатовъ твоихъ
И снѣжной ткани, постланной зимою;
Чтобъ не видалъ, тоскуя по веснѣ,
Я осени поблекшаго наряда;
Чтобъ въ лѣтній вечеръ чудная прохлада
Пылавшій лобъ не освѣжала мнѣ,—
Меня свели подъ сумрачные своды,
Лишили свѣта, воздуха, свободы....
Все-жъ и туда, хоть изрѣдка, твой лучъ
Завертывалъ бесѣдовать со мною;
Не то, такъ тѣнь отъ набѣжавшихъ тучъ,
Грустить сходила къ узнику порою....
И съ ними мнѣ не такъ уже страшны
Казались эти каменныя стѣны;
«Авось и я дождуся перемѣны!»
Мечталось мнѣ сквозь золотые сны,—
И слышалъ сторожъ мой, какъ изъ подъ свода
Я вскрикивалъ: «да здравствуетъ свобода!»
Людей смутилъ отважный этотъ крикъ;

Тогда они рѣшили межь собою,
Чтобъ навсегда замолкнулъ мой языкъ —
Насъ разлучить безжалостно съ тобою....
Но ты предвидѣлъ злобы той исходъ,
И на краю зіяющей могилы,
Даруешь мнѣ — какъ даръ послѣдній — силы
Разрушить ихъ предательскій разсчетъ:
Вѣдь я, измученный ихъ пыткою ужасной,
Сойду въ твои объятья, міръ прекрасный!

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни". Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

Изъ поэмы „ПРОМЕТЕЙ“.

(отрывокъ).

Тяжелыя цѣпи все тѣло сковали,
Не скованъ безсмертный лишь умъ;
И внутренность коршуны всю исклевали;
Склевать не могли только думъ.
И вѣщее слово гремитъ, раздается,
Грома заглушаетъ оно,
И въ души высокія слово то льется,
Величіемъ свѣтлымъ полно.
Вселенную громомъ Юпитеръ тревожитъ,
Все въ трепетномъ страхѣ молчитъ,
Но рѣчь Прометея прервать онъ не можетъ:
Она все сильнѣе звучитъ.
И нѣтъ ему, — слову, на свѣтѣ границы,
Правдиво, свободно, вольно,
Какъ сила магнита, какъ вспышка зарницы,
Вездѣ проникаетъ оно.

Инн. Ангарскій.

Иркутскъ.

(„Сиб. Газ.“ № 13, 1883 г.)

* * *

(ОТРЫВОКЪ).

Грезы завѣтныя, образы мощные,
Думы о благѣ, мечты непорочныя,
Гордые замыслы, вѣра глубокая,
Жизни дорога свободно-широкая, —
Все это вновь возстаетъ предо мной,
Вновь оживаетъ, какъ сонъ дорогой....
Что тамъ мятели и вьюги сердитыя,
Силы враждебныя, темныя, скрытыя, —
Какъ ни коварны, ни злобны они, —
Властны не вѣчно ихъ черные дни.

С. Москвинъ.

23 декабря 1884 г.
Иркутскъ.

(„Вост. Обозр.")

СВѢТЪ.

(отрывокъ).

О, дивный свѣтъ! Передъ тобою,
Объятый думой бытія,
Всегда съ единою мольбою,
Въ безсильи преклоняюсь я:
«Ты, озаряющій лучами
Въ неизмѣримыхъ глубинахъ
Міры, невидимые нами,
На ихъ невѣдомыхъ путяхъ! —
Сойди и въ мой мірокъ укромный
Всепросвѣтляющимъ лучемъ,
Чтобъ могъ служить мой разумъ темный
Тебѣ повсюду и во всемъ;
Чтобъ я во тьму загробной ночи
Ушелъ, лелѣемый мечтой,
Что на землѣ, въ людскія очи,
Свѣтильникъ свѣтится и мой!»

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни". Стихотворенія И Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

12

МОРЕ.

Коварно море.... Въ тихій часъ
Оно обманываетъ глазъ
Невозмутимостью зеркальной
И, какъ ребенокъ въ пеленахъ,
Лежитъ въ широкихъ берегахъ
Во всей красѣ первоначальной.
Въ слѣпой довѣрчивости къ ней,
Забывъ былые ураганы,
Его властители-тираны —
Фаланги грозныхъ кораблей —
Ввѣряютъ все ему въ ту пору
И давятъ зыбкую опору
Громадной тяжестью своей....
Но горе вамъ, его владыки!
Быть можетъ, мига не пройдетъ,
Какъ вашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда съ стремительностью дикой,
Внезапно налетѣвшій шквалъ

Гиганта спящаго разбудитъ —
И посѣдѣвшій въ буряхъ валъ,
Разбивъ васъ въ дребезги у скалъ,
Ревѣть надъ вашимъ ухомъ будетъ!

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни". Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

12*

ПАМЯТИ ОМУЛЕВСКАГО.

(отрывокъ).

Разъ какъ-то въ рубищѣ, блѣдна,
Предъ нимъ красавица предстала,
Съ чела прекрасная волна
Густыхъ волосъ на грудь сбѣгала.
Она имѣла гордый видъ,
Въ очахъ горѣлъ огонь священный,
На днѣ души ея былъ скрытъ
Порывовъ пламень вдохновенный.
Вдругъ спало рубище.... на ней
Парча горѣла золотая,—
Такъ средь ненастныхъ, хмурыхъ дней
Вдругъ солнце выглянетъ, блистая.
Поэтъ узналъ любимый ликъ
И съ той поры, прогнавъ сомнѣнья,
Отчизны будущность постигъ
И пѣлъ ей пѣсню пробужденья.

С. Москвинъ.

Иркутскъ.
1884 г.

(„Сибирь") 1884 г. № 12).

ЛАНДЫШИ.

(Посвящается памяти А. С. Неѣловой)

Вошла хозяйкой съ первой встрѣчи
Въ мою больную душу ты,
Хоть и витали наши рѣчи,
Въ тотъ вечеръ памятный, далече
Отъ всякой розовой мечты.
Да! не о розахъ рѣчь живая
Шла въ этотъ вечеръ; разговоръ
Касался язвъ родного края,
И помню я, какъ день, свѣтая,
Засталъ въ слезахъ нашъ долгій споръ.
Съ тѣхъ поръ извѣдали мы много
Волшебныхъ грезъ и свѣтлыхъ дней;
Но жизни темная дорога
Проходитъ близко у порога
Неразсвѣтающихъ ночей....

Ты мнѣ, больная, подарила
Душистыхъ ландышей букетъ:
«Храни ихъ, милый», говорила,—
«Хотя-бы ранняя могила
«И уничтожила мой слѣдъ».
Сбылось пророческое слово:
Тебя ужь нѣту на землѣ,
Гдѣ я блуждаю безтолково,
Какъ будто можно встрѣтить снова
Твой образъ, сгинувшій во мглѣ.
Увялъ, какъ ты во дни недуга,
Душистыхъ ландышей букетъ,
Но я храню его, подруга,
Хотя въ душѣ поэта-друга
Навѣчно врѣзался твой слѣдъ.
И каждый годъ, когда весною
Въ лѣсахъ появятся цвѣты,
Я вновь бесѣдую съ тобою,
Какъ будто объ руку со мною
Идешь за ландышами ты.
Скажи, какой волшебной силой
И обаяніемъ какимъ
Снабдила ты подарокъ милый,
Что власть твою и за могилой
Надъ сердцемъ держитъ онъ моимъ?
Что нахожу, со дня разлуки,
Я въ немъ, для родины моей,

Глубоко любящіе звуки?
Что никакія въ жизни муки
Меня не охлаждаютъ къ ней?
Скупа могила: нѣтъ отвѣта;
Но если, другъ, за всѣ мечты,
Я стою мирнаго привѣта —
Пускай осыплютъ гробъ поэта
Душистыхъ ландышей цвѣты!

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни“. Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

* * *

Забудь мои страданья и сомнѣнья,
Забудь моихъ рѣчей печальный звукъ,
Изъ памяти своей безъ сожалѣнья,
Сотри скорѣй мой образъ, милый другъ!
Въ порывѣ чувствъ, быть можетъ, откровенно
Обмолвилась, сказала — «я люблю»,
Слова свои назадъ беру смущенно,
Какъ милости, забыть о нихъ молю!
Не для тебя привѣтомъ сердце билось,
Нѣтъ, не тебя ловилъ тогда мой взоръ
И не къ тебѣ признанье относилось, —
Летѣло въ даль, чрезъ высь туманныхъ горъ!
Теперь мой другъ, на случай новой встрѣчи,
Коль встрѣчи я дождусь когда-нибудь,
О прежнихъ дняхъ не будетъ больше рѣчи....
Не упрекай.... и прошлое забудь!...

Ю. Свидерскій.

(Стихотворенія Ю. Свидерскаго. Хабаровка 1885 г.)

* * *

Не обвиняй меня за частое молчанье —
Таковъ удѣлъ отверженныхъ людей:
Въ молчаньи ихъ скрывается страданье
И чаша горькая погибнувшихъ идей.
Они живутъ погибшими мечтами,
Какой-то тайный смыслъ въ страданьи находя
И все идутъ завѣтными путями,
За цѣлый вѣкъ до цѣли не дойдя.

В. Костроминъ.

1885 г.

(„Вост. Обозр." 1888 г. № 28).

МОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Безъ борьбы,
Безъ любви,
Одинокій, въ глуши
Гибну молодецъ.
Ахъ! ты доля моя,
Доля горькая!
Дай мнѣ волюшки,
Дай мнѣ силушки,
Въ борьбѣ съ жизнію
Силой мѣриться.
Чтобъ безъ ропота
Крестъ тяжелый свой
Я до гроба несъ;
Чтобъ за истину
Я горой стоялъ,
Не боялся-бы
Лихихъ вороговъ.

Ѳ. Безрукихъ.

(„Спб. Газ." 1881 г., № 36).

БОГАЧАМЪ.

Не радостна судьба моя на видъ
И жизнь не блещетъ красокъ пестротою;
Убожество безвыходно царитъ
Надъ этой мирной жизнью трудовою.
Но зависти не вѣдаетъ мой умъ:
Рядъ неудачъ и горестныхъ лишеній
Несетъ мнѣ рой такихъ чудесныхъ думъ,
Такихъ живыхъ и чистыхъ наслажденій!
Вы, богачи, смѣетесь надо мной,
А мнѣ васъ жаль.... Спросите у поэта,
Отдастъ-ли онъ, повитый нищетой,
Свой скудный даръ за всѣ богатства свѣта?
Спросите: почему среди невзгодъ
Онъ дѣлитъ всѣмъ послѣднія крупицы
И весело на родинѣ поетъ
Родную пѣснь, безъ умолку, какъ птицы?
Я тоже радъ, что мнѣ моя судьба
На черный день даровъ не ниспослала;
Что съ раннихъ лѣтъ упорная борьба
И умъ мой, и характеръ воспитала;

Что золота заманчиваго звонъ
Для моего не заглушаетъ уха
Подавленный, но все-же горькій стонъ,
Не достигающій изнѣженнаго слуха.
Меня не соблазнятъ ни чванства мишура,
Ни запахъ лакомый куска нетрудового,
И съ чистой совѣстью спокойно до утра
Могу я спать въ тиши угла родного.
Я не боюсь за будущность семьи:
Не въ праздности живетъ моя подруга;
А дѣти подростутъ, — и имъ труды мои
Укажутъ путь для честнаго досуга.
Да! внесъ и я въ міръ мысли малый плодъ,
Какой мнѣ былъ по разуму, подъ силу;
Могу и я разсчитывать впередъ,
Что заслужу безплатную могилу.
И, Боже мой! я съ радостью какой
Навѣкъ глаза усталые закрою....
Вы, богачи, смѣетесь надо мной,
Но.... не умрете смертію такою!

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни". Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

* * *

Все на свѣтѣ трынь-трава:
Радости и муки,—
Лишь была-бы голова,
Молодость, да руки....
Знай работай отъ зари
До зари упрямо,
Да въ глаза врагамъ смотри
Весело и прямо....
Лишь одинъ изъ нихъ тебѣ
Будéтъ не подъ силу —
Это смерть, но ты въ борьбѣ
Забывай могилу!

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни". Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

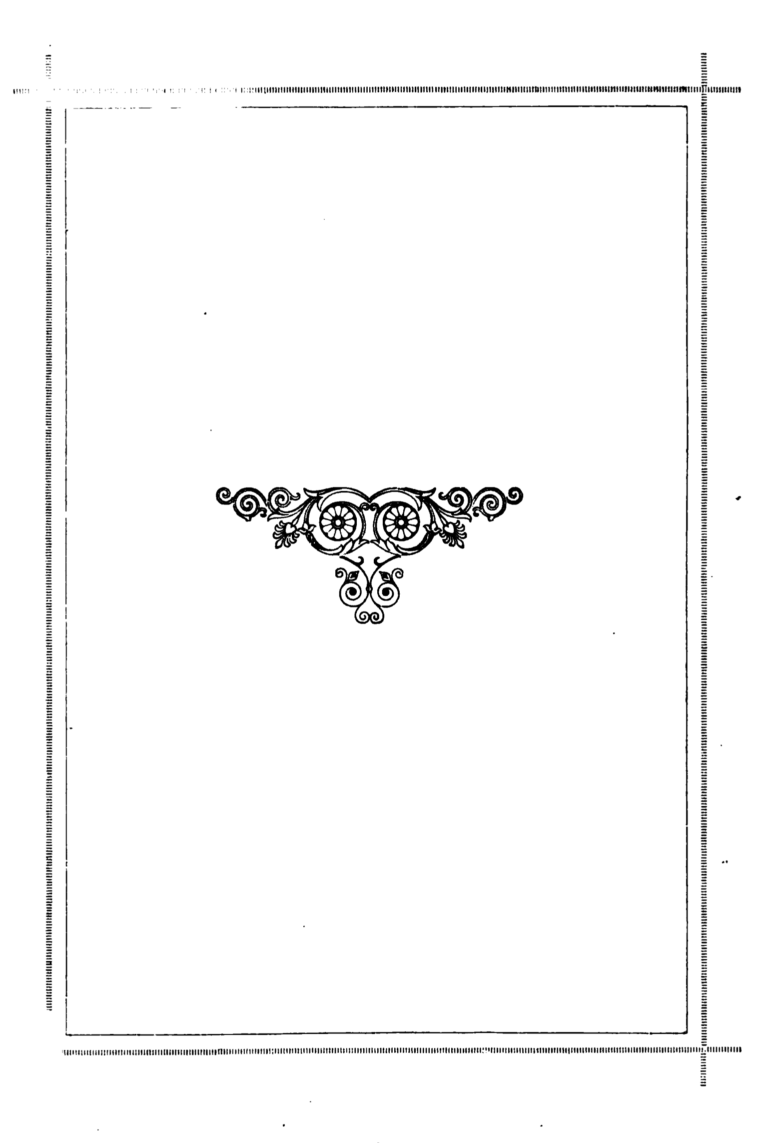
МОЛИТВА.

О, жизнь! не дай мнѣ никогда
Утратить вѣру въ человѣка,
Во благо честнаго труда,
Отстать въ стремленіяхъ отъ вѣка....
Не дай мнѣ мелочной борьбы,
И растлѣвающей, и праздной,
Не дай мнѣ въ спутницы рабы
Безъ мысли гордой и отважной....
Не дай мнѣ трудъ мой осквернить
Неправдой, мыслію лукавой,
И прежде смерти пережить
И свѣтлый умъ, и помыслъ здравый....
Не призывай на мой языкъ
Любви несвойственныхъ проклятій,
И отъ несчастныхъ меньшихъ братій
Не отврати въ недобрый мигъ
Мой омраченный скорбью ликъ....

**Не дай корыстныхъ мнѣ желаній,
Соблазна сильными земли....
Любовью умъ мой окрыли
И въ годы тяжкихъ испытаній
Мнѣ духа рабства не пошли!**

И. Омулевскій.

(„Пѣсни жизни“. Стихотворенія И. Омулевскаго. Спб. 1883 г.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

